

БИБЛИОТЕКА СЛОУДОХИ

М. Арцыбашевъ

ВѢЧНЫЙ МИРАЖЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Е.А.ГУТНОВА
ВЪ БЕРЛИНѢ

БИБЛІОТЕКА СПОЛОХИ

М. АРЦЫБАШЕВЪ

**ВѢЧНЫЙ
МИРАЖЪ**

1922

**ИЗДАТЕЛЬСТВО Е. А. ГУТНОВА
ВЪ БЕРЛИНѢ**

ТИПОГРАФІЯ
Е. А. ГУТНОВА
B E R L I N S 14
DRESDNER STR. 82

ВВЕДЕНІЕ

ЧЕЛОВѢЧЕСТВО безмѣрно льститъ себѣ, воображая, будто его мыслители способны уловить теченіе жизни, а художники и поэты изобразить ее. Мысль человѣческая совершенно не въ состояніи вмѣстить, воображеніе не въ силахъ представить, слово не можетъ выразить того ужаснаго и смѣшнаго, возмутительнаго и трогательнаго, прекраснаго и отвратительнаго, величественнаго и жалкаго, что именуется жизнью.

Исторія, оперирующая съ эпохами, народами, царствами и классами, рисуетъ жизнь только грубыми схематическими чертами, не дающими настоящаго представленія о страшной внутренней сложности этого явленія, слагающагося изъ безконечнаго разнообразія событій, чувствъ, идей и стремленій безчисленнаго множества живыхъ существъ, непрестанно борющихся за свое существованіе во всѣхъ уголкахъ земного шара, во всѣ времена бытія человѣческаго.

Настоящая мѣра времени не вѣка, на мгновенія, а классы и народы состоятъ изъ милліоновъ отдѣль-

ныхъ людей, своей собственной жизнью живущихъ, по своему чувствующихъ и мыслящихъ.

А между тѣмъ именно въ ихъ микроскопическихъ существованіяхъ, въ ихъ мимолетныхъ радостяхъ и страданіяхъ заключенъ подлинный смыслъ человѣческой жизни, къ какимъ бы результатамъ не пришло человечество въ своемъ общемъ движеніи, какія бы заданія ни ставили передъ нимъ Богъ или природа.

Жизнь не въ столкновеніяхъ народовъ, борьбѣ классовъ, созданіи религій и философскихъ системъ. Она въ томъ, чего всѣ эти событія являются завершеніемъ: въ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ всѣхъ людей.

Всякое историческое событіе есть ни что иное, какъ совокупность усилій и переживаній большаго или меньшаго числа людей; значительность его можетъ измѣняться только значительностью этихъ переживаній.

Легенда о всемірномъ потопѣ не потому такъ ужасна, что потопъ, якобы, грозилъ уничтоженіемъ всего человѣческаго рода, а потому, что въ его мутныхъ водахъ погибали милліоны живыхъ существъ, съ бѣшенствомъ отчаянія боровшихся за свою собственную жизнь. Если бы каждому изъ этихъ существъ въ отдѣльности не угрожала гибель, мысль объ уничтоженіи человѣческаго рода не ужаснула бы никого. Опустѣвшая земля вступила бы въ сонмъ необитаемыхъ планетъ, безчисленное множество которыхъ и нынѣ вращается въ міро-

вомъ пространствѣ, и жалѣть объ этомъ было бы некому и не для чего.

Великое переселеніе народовъ ужасно не потому, что это было переселеніе именно народовъ, а потому что это было движеніе милліоновъ живыхъ людей, какъ саранча, въ крови и грязи, въ лишеніяхъ и болѣзняхъ, среди пожаровъ, убійствъ и грабежей идущихъ по лицу земли. Однихъ гнало честолюбіе, другихъ власть, третьихъ голодъ, четвертыхъ личныя связи, пятыхъ жажда грабежа и насилій, но каждый изъ этихъ людей шелъ со своими собственными интересами, со своими радостями и печалями, не отдавая себѣ отчета ни въ общихъ размѣрахъ, ни въ послѣдствіяхъ того движенія, въ которомъ онъ участвовалъ. Большинство погибло еще задолго до окончанія пути, а движеніе это улеглось не тогда, когда это было необходимо для челоѣчества, а когда всѣ отдѣльныя песчинки осѣли на дно.

Трагизмъ великой французской революціи не въ томъ, что она уничтожила феодальный строй, а въ томъ, что она послужила кровавымъ фономъ для смертельной борьбы множества личныхъ интересовъ, честолюбій, желаній, идей, корысти, ненависти, любви, зависти, мужества, трусости, страданій и смерти.

Ужасъ наполеоновскаго похода въ Россію не въ томъ, что имъ былъ положенъ предѣлъ воинственному

расширенію французскаго вліянія на дѣла Европы, а въ томъ, что сотни тысячъ живыхъ людей были убиты въ сраженіяхъ, замерзли въ снѣгахъ русскихъ степей, остались безъ крова, потеряли своихъ близкихъ, пережили всѣ муки страха и отчаянія, на какія вообще способенъ человѣкъ. Весь трагизмъ этой страницы исторіи заключается между страданіями послѣдняго французскаго солдата, замерзшаго на Смоленской дорогѣ, и страданіями сокрушеннаго честолюбія императора Наполеона.

Большая Европейская война ужасна не потому, что рухнула мечта о всемірной гегемоніи Германской имперіи, и британскій капитализмъ восторжествовалъ, и карта Европы измѣнилась, а потому, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ милліоны ошалѣвшихъ отъ злобы и страха людей звѣрски убивали и калѣчили другъ друга, разоряя цѣлыя страны и обрекая милліоны другихъ людей на сиротство и нищету.

И къ какимъ бы результатамъ ни пришла грядущая всемірная соціальная революція, трагизмъ ея будетъ не въ паденіи того или иного класса, а въ томъ, что множество живыхъ, страдающихъ людей будетъ втянуто въ смертельную борьбу, обречено на муки и гибель. Въ случаѣ ея побѣды не торжество идеи будетъ важно, а облегченіе участи опять-таки милліоновъ живыхъ людей. Но хотя бы для грядущихъ поколѣній выгоды этой революціи были бы даже неисчислимы, онѣ все-

таки ни на іоту не уменьшаютъ ужаса страданій и смерти тѣхъ, кто падетъ въ этой борьбѣ.

Если мы представимъ себѣ такое положеніе, что роду человѣческому грозитъ полное уничтоженіе, всѣ религіи умерли, искусства и науки исчезли, цивилизація погибла, общественный строй принялъ самыя отвратительныя формы, жизнь стала варварской, безобразной и бессмысленной, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу какихъ-то внутреннихъ причинъ, всѣ люди на землѣ чувствуютъ себя совершенно довольными и счастливыми, то намъ станетъ ясно, что ничего лучшаго и желать нельзя!

Если мы представимъ себѣ, что ни формы общественного строя, ни состояніе цивилизаціи намъ неизвѣстны, и только извѣстенъ тотъ фактъ, что среди множества счастливыхъ людей на землѣ есть еще и несчастные, то мы будемъ въ правѣ заключить, что не все обстоитъ благополучно, что на этомъ успокоиться нельзя и надо стремиться къ чему-то иному.

Если, наконецъ, мы представимъ себѣ, что искусства и науки процвѣтаютъ, истинная религія воцарилась повсюду, культура достигла высшаго развитія, общественный строй справедливъ и мудръ, но люди все-таки несчастны и страдаютъ, то развѣ мы не признаемъ, что грошъ цѣна всему этому великолѣпію — и культурѣ, и религіи, и наукамъ, и искусству, и общественному строю!

Очевидно, что человѣчество можетъ быть счастливо или несчастно въ зависимости не отъ того, насколько оно приблизилось къ тому или иному идеалу общественнаго строя и культуры, а оттого, сколько, въ каждый данный моментъ и при каждомъ данномъ состояніи, въ его средѣ имѣется счастливыхъ и несчастныхъ людей.

И очевидно еще, что все, что совершается на землѣ — будь то политическій переворотъ, религіозное движеніе, научное открытіе или стихійное явленіе — не имѣетъ цѣны само по себѣ, а оцѣнивается только по степени его вліянія на судьбу большаго или меньшаго количества отдѣльныхъ живыхъ существъ.

А характеръ этого вліянія своеобразно преломляется въ личности. Какъ солнечный свѣтъ, доставляя радость замерзающему, причиняетъ невыразимыя мученія изнывающему въ пустынѣ отъ жажды, такъ и всякое измѣненіе въ жизни человѣчества по-своему оцѣнивается каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ.

Ибо только человѣкъ есть мѣра вещей, и люди давно должны были бы понять, что они имѣютъ право оцѣнивать все сущее съ точки зрѣнія только и чисто человѣческой.

ВѢЧНЫЙ МИРАЖЪ

I

Съ тѣхъ поръ, какъ люди начали сознательно относиться къ своему существованію, прошли вѣка и смерть смела съ лица земли милліоны поколѣній.

Въ теченіе этого времени жизнь человѣческая не-престанно видоизмѣнялась. Перестраивались формы общественныхъ отношеній, созидались и разрушались алтари, исчезали царства и народы, открывались новые пути къ тайнамъ природы, но горестное сознаніе несовершенства своей жизни ни на одно мгновеніе не покидало душу человѣка.

Конечно, далеко не всѣ люди способны къ общимъ и широкимъ выводамъ. Большинство изъ нихъ такъ поглощено заботами сегодняшняго дня, что даже не отдаетъ себѣ отчета въ причинахъ своего смутнаго безпокойства. Увлекаемое потокомъ жизни, оно не имѣетъ ни времени, ни силъ остановиться и вдуматься въ конечный смыслъ своихъ усилій. Быть можетъ, это и къ лучшему. Кто знаетъ, къ какой ужасной катастрофѣ пришло бы человѣчество, если бы всѣ люди умѣли прямо смотрѣть въ лицо дѣйствительности и правильно оцѣни-

вать результаты своей мучительной работы? Не привело ли бы это къ безпросвѣтному отчаянію, къ полному обезцѣненію всѣхъ благъ жизни, къ омертвѣнію и самаго инстинкта жизни?

Только подъ покровомъ глупости, легкомыслія и невѣжества человѣчество можетъ жить и наслаждаться жизнью.

— Во многой мудрости много печали, — сказалъ Экклезіастъ, — и кто умножаетъ познанія, тотъ умножаетъ скорбь!

Но хотя большинству людей чужды „міровая скорбь“ и „вѣчные вопросы“, но неудовлетворенность своимъ существованіемъ присуща всѣмъ людямъ безъ изъятія, а мечта о лучшемъ будущемъ является одной изъ самыхъ устойчивыхъ чертъ человѣческой души.

Отъ колыбели и до могилы человѣкъ живетъ надеждой, что съ какого-то времени его жизнь измѣнится къ лучшему. Для того, чтобы этой туманной надеждѣ дать хоть какое нибудь основаніе, онъ обманываетъ себя, какъ ребенокъ, постоянно, съ упорствомъ отчаянія, намѣчая срокъ, съ котораго, якобы, должна для него начаться новая, настоящая, счастливая жизнь.

Ребенокъ мечтаетъ о томъ, когда онъ вырастетъ; юноша стремится къ самостоятельности; взрослый человѣкъ борется за достиженіе высшей ступени на об-

щественной лѣстницѣ; старикъ мечтаетъ объ отдыхѣ; дѣвушка о замужествѣ; женщина о будущемъ своихъ дѣтей; бѣднякъ объ улучшеніи своего матеріальнаго состоянія; художникъ о новомъ созданіи; ученый о завершеніи своего опыта; общественный дѣятель о социальномъ или политическомъ переворотѣ; мистикъ о загробномъ блаженствѣ... Нѣтъ такого момента и такого состоянія, въ которомъ человѣкъ былъ бы удовлетворенъ своимъ настоящимъ и не мечталъ бы о лучшемъ будущемъ.

Эта потребность до того сильна и постоянна въ человѣкѣ, что если въ данный моментъ въ его жизни рѣшительно не предвидится ни единого крупнаго событія, которое дѣйствительно могло бы въ корень измѣнить его существованіе, то человѣкъ мечтаетъ о такомъ вздорѣ, надъ которымъ самъ посмѣялся бы въ другое время... Порой ему серьезно кажется, что вожделѣнную переменѣну принесетъ ему переѣздъ въ другой городъ, новое время года, пріобрѣтеніе новой обстановки, даже новое платье, наконецъ!

Можно съ увѣренностью сказать, что каждый человѣкъ, которому на завтра не угрожаетъ какая нибудь неотвратимая и вполне опредѣленная непріятность, ежедневно ложится спать со смутной мыслью о томъ, что именно съ завтрашняго дня онъ почему-то станетъ жить лучше, плодотворнѣе, счастливѣе.

Безъ этой спасительной надежды настоящее кажется ему отвратительнымъ, будущее темнымъ, какъ ночь, существованіе невозможнымъ.

Можно утверждать, что если бы удалось доказать людямъ, что надѣяться рѣшительно не на что, то многіе изъ нихъ покончили бы жизнь самоубійствомъ, а остальные впали бы въ глубокую душевную пустоту, смерти подобную.

И вѣдь, казалось бы, доказать это вовсе не трудно: помимо того, что каждая человѣческая жизнь, несмотря ни на какія достиженія, неизбѣжно заканчивается мучительной и страшной смертью, всякій человѣкъ на личномъ опытѣ могъ бы убѣдиться, что всякое новое достиженіе, казавшееся ему рѣшительнымъ поворотомъ къ лучшему будущему, съ теченіемъ времени неизмѣнно приводитъ его къ исходному положенію: къ неудовлетворенности настоящимъ и опять-таки къ мечтѣ о лучшемъ.

Съ невѣроятной легкостью и непостижимой быстротой человѣкъ привыкаетъ къ любому положенію, перестаетъ цѣнить то, чего домогался такъ страстно, превращаетъ новое въ скучный будень и снова мучительно мечтаетъ о будущемъ.

Этотъ своего рода Сизифовъ трудъ, очевидно, совершенно безсмыслененъ, но къ счастію или къ несчастію, но только и самая желѣзная логика и даже

очевидность безсильны передъ тѣмъ, что заложено въ самую глубь человѣческой души, что вытекаетъ изъ самой сущности жизни. И потому, несмотря на грандіозный опытъ милліоновъ поколѣній, несмотря на здравый смыслъ, жажда переменъ неистребима въ человѣчествѣ, и мечта о лучшемъ будущемъ живетъ въ душѣ человѣка вѣчно, питая въ ней чувство горечи и духъ мучительнаго безпокойства.

Вся дѣятельность человѣчества, всѣ проявленія его творческаго генія неразрывно связаны съ этой мечтой. Она — источникъ энергіи, она двигатель прогресса, ей посвящена работа лучшихъ умовъ человѣческихъ, ею они связаны по рукамъ и ногамъ, и если эти лучшіе умы поднимаются надъ жалкимъ личнымъ благополучіемъ, то только для того, чтобы перенести ту же мечту въ пространство, на грядущіе вѣка, на отдаленныя поколѣнія своихъ потомковъ.

— За лучшее будущее, если не для насъ, то хотя бы для дѣтей нашихъ !

Вотъ лозунгъ, во имя котораго пролились рѣки крови и слезъ, и нѣтъ иного лозунга, который былъ бы способенъ заставить такъ восторженно биться сердца человѣческія.

II

Въ неустанномъ стремленіи къ созданію лучшаго будущаго, издавна намѣтилось два пути: одинъ—черезъ устроеніе такихъ условій существованія, которыя непосредственно устранили бы изъ жизни всѣ причины страданій и недовольства, другой — черезъ устроеніе внутренней гармоніи, путемъ поисковъ такого смысла бытія, который былъ бы способенъ примирить человѣка со всѣми горестями его личной жизни.

Человѣкъ, продѣлавшій огромный путь эволюціоннаго развитія отъ обезьяноподобнаго существа до европейца нашего времени, но все еще недалеко ушедшій отъ своего четверорукаго предка, не обладаетъ достаточными средствами, знаніями и волей, чтобы неуклонно идти по первому пути, какимъ бы онъ прямымъ ни казался. Въ сравненіи съ громадностью и сложностью причинъ, дѣлающихъ человѣческую жизнь неудовлетворительной во всѣхъ смыслахъ, результаты, до сихъ поръ добытые точнымъ знаніемъ, все еще слишкомъ ничтожны.

Поэтому большинству людей представляется, что гораздо легче найти себѣ опредѣленную цѣль въ жизни

и, посвятивъ себя этой цѣли, не только примириться съ неизбѣжными жертвами и страданіями, но даже извлечь изъ нихъ радость и счастье.

Именно на этотъ путь, въ теченіе многихъ тысячелѣтій, были главнымъ образомъ направлены силы человѣческой мысли.

И, не анализируя причинъ этого явленія, человечество долго и упорно вѣрило, что исканіе смысла и цѣли бытія проистекаетъ изъ какихъ-то особыхъ и притомъ „высшихъ“ свойствъ человѣческаго духа, свойствъ, вложенныхъ въ человѣка, если не божественной силой, то, по крайней мѣрѣ, счастливымъ случаемъ.

Даже такой апостоль раціональнаго мышленія, какъ Мечниковъ, говоритъ:

„Изъ всѣхъ извѣстныхъ данныхъ мы имѣемъ право заключить, что человѣкъ является чѣмъ-то вродѣ обезьяняго уroda“ и его можно разсматривать, „какъ необыкновенное дитя человѣкообразной обезьяны, родившееся съ болѣе развитымъ мозгомъ и умомъ, чѣмъ его животные предки“.

Было бы, конечно, весьма затруднительно объяснить, какимъ образомъ въ той цѣпи естественнаго развитія, которою является вся органическая жизнь, могъ случиться такой казусъ, какъ появленіе существа, одареннаго совершенно новыми свойствами. Такая случайность и вмѣшательство божественной воли стоятъ другъ друга.

Гораздо естественнѣе предположить, что всѣ свойства человѣческаго духа есть прямой результатъ причинъ, лежавшихъ въ самой сущности жизни.

Настойчивое исканіе смысла бытія, красной нитью проходящее черезъ всю исторію человѣческой мысли, является естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ условій жизни, благодаря которымъ страданія, нравственныя и физическія, подавляюще превалируютъ надъ свѣтлыми ея сторонами.

Едва ли бы человѣчество, хотя бы и одаренное развитымъ мозгомъ, когда либо задумалось надъ смысломъ и цѣлью своего существованія, если бы оно было удовлетворено жизнью, какъ таковой.

Желаніе найти смыслъ и цѣль чего бы то ни было возможно, естественно и необходимо только тогда, когда данное переживаніе само по себѣ не удовлетворяетъ насъ. Человѣкъ никогда не ищетъ смысла въ прямомъ наслажденіи — на примѣръ, въ половомъ актѣ, вкусной ѣдѣ или созерцаніи красоты — ибо то, что удовлетворяетъ само по себѣ, является самоцѣлью и ни въ какихъ обоснованіяхъ не нуждается.

Мы ищемъ пищи, подчиняясь чувству голода. Если бы голодъ не былъ мучителенъ, то ничто не заставило бы человѣка задуматься надъ вопросомъ о пищѣ.

Только тогда, когда переживаніе не только не приноситъ удовлетворенія, но даже вызываетъ страданія,

человѣкъ вынужденъ искать смысла и цѣли, которые оправдывали бы затрату силъ и переносимыя мученія.

И если человѣчество, съ незапамятныхъ временъ, такъ настойчиво и страстно ищетъ смысла своего существованія, то это значитъ, что жизнь такая, какова она есть, не въ состояніи удовлетворить его.

Но, однако, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что человекъ — существо такого высшаго порядка, для котораго земная дѣйствительность слишкомъ ничтожна и бѣдна.

Такое лестное для человека предположеніе могло бы имѣть оправданіе только въ томъ случаѣ, если бы жизнь, сама по себѣ, была прекрасна. Конечно, скучать въ раю, не удовлетворяться даже истинно-прекраснымъ и стремиться къ чему-то еще болѣе прекрасному и высокому, — на это было бы способно только существо высшее, слишкомъ прекрасное, небесно-восхитительное.

Но для того, чтобы рваться на волю изъ тюрьмы, страдать отъ зубной боли, бояться смерти, тосковать въ пустынѣ и вообще мечтать о лучшемъ, находясь въ отвратительныхъ условіяхъ, для этого вовсе не нужно быть существомъ высшимъ, а достаточно быть тѣмъ, что и есть человекъ: чувствующимъ животнымъ.

Ибо даже свинья, когда ее рѣжутъ, визжитъ и рвется, а голодный баранъ, конечно, по-своему мечтаетъ о лучшей долѣ.

Жизнь же человѣка ничуть не лучше жизни недоузданной свиньи и голоднаго барана. Она вся — одна непрестанная и мучительная борьба со страданіемъ, осложненнымъ сознаніемъ страданія. Въ короткій промежутокъ времени между первымъ и послѣднимъ вздохомъ, промежутокъ настоялько короткий, что его не хватаетъ даже на то, чтобы въ полной мѣрѣ использовать свои силы и возможности, каждое сознательное мгновенье жизни человѣка полно болѣе или менѣе мучительныхъ ощущеній.

Опасность и голодъ, холодъ, усталость, разочарованія, необходимость подчиняться чужой волѣ, сознаніе своего безсилія, разлука, старость и смерть слѣдуютъ за человѣкомъ неотвязной и безконечной чередой. Моменты удовлетворенія, наслажденій и радости — крайне рѣдки, мимолетны и непрочны.

„Считите часы счастія, пережитые вами, считите дни страданій, и знайте, кто бы вы ни были, что лучше бы вамъ не родиться совсѣмъ!“ — говоритъ Байронъ.

Человѣкъ буквально дышетъ страданіями. Они окружаютъ его, какъ ядовитый туманъ, закрывающій солнце. Если въ какой либо моментъ человѣкъ и находится въ состояніи покоя, то вокругъ него ни на мгновенье не прекращается все та же смертельная, полная тоски, ужаса и гнѣва, борьба другихъ существъ. И чѣмъ человѣкъ умнѣе, чѣмъ онъ чувствительнѣе, тѣмъ труд-

нѣ для него не видѣть ужасовъ, творящихся вокругъ и не принимать въ нихъ участія.

„Если представить себѣ все то множество бѣдъ, страданій и мученій, которыя солнце освѣщаетъ на пути своемъ, то станетъ ясно, что лучше бы ему производить на землѣ такъ же мало жизненныхъ явленій, какъ и на лунѣ!“ — писалъ Шопенгауэръ.

„Болѣзни, страсть, зависимость отъ воли и власти другихъ — неустранимы“ — говоритъ Гартманъ, — „и сколько бы ни изобрѣтали лѣкарствъ отъ страданій, число ихъ будетъ расти скорѣе. Веселая, безпечная молодость всегда будетъ малой частицей жизни, а большая часть ея всегда будетъ погружена въ угрюмую старость.“

Жизнь человѣческая, какъ и жизнь всякаго иного живого существа, буквально построена на страданіи. Страніе положено въ основу каждаго чувства, дѣйствія и мысли. Въ сущности говоря, только страданіе и является настоящимъ двигателемъ жизни, и жизнь застыла бы въ мертвенномъ бездѣйствіи, если бы страданіе и страхъ страданія не толкали ее на поиски спасенія. Всякое сознательное творчество и всякое безсознательное влеченіе равно возбуждаются или прямой необходимостью бороться со страданіемъ, или желаніемъ предохранить себя отъ страданія въ будущемъ.

Только безсиліе личности и страхъ одиночества создало общеніе между людьми, легло въ основу обще-

ственного строительства, создавая семью, государство, всѣ виды ассоціацій. Только борьба съ голодомъ, болѣзью, смертью и смутнымъ страхомъ передъ тайнами окружающей насъ природы двигаетъ наукой. Тотъ же страхъ создаетъ религіи. Безобразіе творитъ искусство . . . Мы любимъ, спимъ, творимъ, ѣдимъ, испражняемся, мыслимъ, — только потому, что неудовлетворенность вызываетъ страданіе или угрожаетъ имъ.

Глубоко вдумавшись въ любое духовное проявленіе человѣческой личности, мы всегда въ корнѣ его увидимъ скрытое страданіе.

„Рожденіе — страданіе, старость — страданіе, смерть — страданіе, любовь — страданіе, желаніе — страданіе, всякая сильная привязанность къ земному — страданіе!“

Такъ сказалъ Будда.

И всѣ наши попытки измѣнить этотъ извѣчный законъ жизни до сихъ поръ только приводили къ разочарованію, доходящему до отчаянія.

„Все, что съ такимъ страданіемъ и стараніемъ устраиваютъ люди, если и стоитъ чего либо, то развѣ только того, чтобы все это съ наслажденіемъ бросить!“ — говоритъ Толстой.

По опредѣленію Шопенгауэра, жизнь человѣческая „подобна маятнику, который качается между страданіемъ и скукой!“

Эти свидѣтельства мудрыхъ о характерѣ человѣческой жизни можно было бы продолжить до бесконечности, но едва ли нужно тратить много словъ для доказательства очевидности.

Если бы обладать такимъ нечеловѣческимъ слухомъ, чтобы сразу слышать всѣ звуки земли, — сквозь шумъ лѣсовъ и водопадовъ, сквозь шорохъ миллиардовъ движеній, стукъ машинъ, шопотъ любовниковъ, смѣхъ играющихъ дѣтей, выстрѣлы, крикъ, смѣхъ, аплодисменты, свистъ и брань міровой толпы, — можно было бы различить одинъ непрерывный, ни днемъ, ни ночью не смолкающій, вѣчный голосъ страданія. Стонутъ и хрипятъ умирающіе, визжатъ рождающіе, дико вскрикиваютъ убиваемые, плачутъ обездоленные, жалуются обиженные, вопятъ о помощи погибающіе, и все это — крики, стоны, плачъ и проклятія — сливаются въ одну ноту — основную ноту жизни.

Природа не дала человѣку возможности слышать все, и въ этомъ большое счастье, ибо среди этой адской какофоніи наше существованіе обратилось бы въ сплошную пытку.

Изо всѣхъ золъ, существующихъ въ мірѣ, самое великое зло — жизнь, ибо она заключаетъ въ себѣ все остальное !..

III

Однако, существуютъ люди, которые утверждаютъ, что они любятъ жизнь, что жизнь есть радость и величайшее благо.

Въ большинствѣ случаевъ это — люди ограниченнаго сознанія, недалеко ушедшіе отъ своего четверорукаго предка, вѣчно поглощенные удовлетвореніемъ самыхъ грубыхъ потребностей своего организма. Для прославленія жизни имъ совершенно достаточно матеріальнаго благополучія, дающаго вкусную и обильную пищу, красивую обстановку, развлеченія и половое наслажденіе. Если они стоятъ ступенькой выше, они извлекаютъ тѣ же наслажденія изъ области искусствъ, изъ общенія съ интересными людьми, изъ легкой игры ума и даже игры въ науку. Но это уже предѣлъ, и они рѣзвятся въ мірѣ, какъ рѣзвилась обезьяна въ тропическомъ лѣсу: чѣмъ гуще, запутаннѣе и непроницаемѣе его листва, тѣмъ больше простора для игры — и только.

Другая группа „утверждающихъ жизнь“ состоитъ изъ людей, охваченныхъ какой нибудь навязчивой идеей. Это люди или религіозно настроенные, или фанати-

ки соціальної боротьби. Первіе настолько подчиняють свою жизнь грезящейся имъ волѣ какого-то божества, что совершенно не способны критически относиться къ ней, и если не могутъ отрицать наличности страданій, то стараются оправдать ихъ какой-то мистической необходимостью. Они рабы по природѣ. Для нихъ жизнь мудра и прекрасна уже потому, что она послана по волѣ ихъ Господина. Ихъ счастье въ томъ, чтобы творить волю Пославшаго. Гдѣ кончается здѣсь бредъ, вызванный причинами, лежащими въ основахъ жизни, и гдѣ начинается простая глупость — сказать мудрено.

Что касается людей, охваченныхъ политической борьбой, то въ духовной узости ихъ и въ ихъ умственномъ убожествѣ не можетъ быть сомнѣній. Какъ лошадь въ шорахъ, они видятъ только въ одну сторону, и не въ состояніи вывести свою мысль изъ круга одной политической программы.

Если бы они были въ состояніи вдуматься въ сущность своихъ идей и стремленій, они должны были бы увидѣть, что жизнь, заключенная въ рамки исключительно соціального благоустройства, до того убога сама по себѣ, что не заслуживаетъ никакого интереса. Но борьба увлекаетъ ихъ до такой степени, что они уже не въ состояніи разсуждать. Въ самомъ характерѣ ихъ дѣятельности есть уже отрицаніе жизни, ибо они ставятъ надъ жизнью идею, во имя которой допускаютъ

всякое насиліе надъ чувствомъ, волею и жизнью того же человѣка, за котораго они борются.

Утвержденіе жизни въ устахъ человѣка болѣе высокаго порядка вызываетъ только сомнѣніе въ его искренности, ибо, желая быть послѣдовательнымъ, онъ неизбежно вынуждается на абсурдное утвержденіе, что и въ самомъ страданіи есть наслажденіе, въ безобразіи — красота, въ нелѣпости — мудрость, въ смерти — жизнь.

Такъ Фино, одинъ изъ немногихъ, имѣвшихъ смѣлость дойти до логическаго конца, увѣрялъ въ чарующей прелести даже трупнаго разложенія:

— Жизнь продолжается даже въ могилѣ! Жизнь шумная, вѣчно обновляющаяся! Здѣсь также любятъ, рождаются, размножаются, живутъ, и могильный покой ничто иное, какъ обманъ!...

Трудно убѣдить живого человѣка въ прелести жизни, ссылаясь на веселіе могильныхъ червей, творящихъ тризну на трупѣ еще такъ недавно чувствовавшего мыслящаго существа, обращеннаго въ кучку зловонной слизи. И такъ же трудно увѣрить страдающаго въ томъ, что онъ долженъ наслаждаться своимъ страданіемъ.

„Если все въ мірѣ чудо, то чуда нѣтъ вовсе!“..
Если все въ мірѣ радость и наслажденіе, то ни радо-

сти, ни наслажденія вовсе нѣтъ. Огульное утвержденіе жизни есть простое признаніе факта и отказъ отъ всякой критики, а въ томъ числѣ, значитъ, и отъ критики благожелательной, оправдательной. Для того же, чтобы дѣйствительно оправдать жизнь, надо доказать или, что въ ней нѣтъ страданія, или, что они играютъ ничтожную роль. Но это сдѣлать невозможно, ибо этого не позволитъ очевидность, и всѣ попытки въ томъ направленіи, повторяю, только вызываютъ сомнѣніе въ искренности или въ здоровомъ разсудкѣ.

Правда, остается лазейка, въ которой логика противостоитъ естественно сочетается съ мистическимъ бредомъ: можно утверждать, что жизнь прекрасна потому, что въ ней все сущее необычайно мудро, а такъ какъ страданіе и смерть входятъ въ кругъ жизни, то они также мудры, а слѣдовательно и такъ же прекрасны.

Но это передержка, ибо мудрость и красота не синонимы. Сказать: это мудро, это естественно, это нужно, не значитъ сказать, это прекрасно! Если колеса паровоза, которыя давятъ человѣка, и человѣкъ, который подъ давленіемъ колесъ превращается въ грудку мяса и костей, иллюстрируютъ мудрость и непреложность законовъ природы, то это нисколько не мѣшаетъ жертвѣ этихъ законовъ испытывать величайшія мученія. Утѣшать человѣка тѣмъ, что, страдая, онъ подчиняется хотя бы и самымъ мудрымъ законамъ необходимости,

это значитъ, отнять у человѣка всякое право сознать себя, превратить его въ ничто.

Всякая цѣпь имѣетъ два конца. Кухарка, которая жаритъ карася на сковородкѣ, и карась, который „любитъ жариться въ сметанѣ“, несомнѣнно является двумя звеньями одной и той же цѣпи, но законы природы, исполняющей должность кухарки, и человѣкъ, играющій роль карася, имѣютъ право оцѣнивать событія каждый съ своей точки зрѣнія. Отнять это право, значитъ, отнять право мыслить, чувствовать и жить.

Всѣ попытки оправдать страданіе путемъ логическихъ построеній ничто иное, какъ простое словоблудіе. Правда, фальшь въ такомъ вопросѣ, который, казалось бы, исключаетъ всякую возможность фальшивить, болѣе чѣмъ странна и неожиданна, но не надо забывать, что трусость человѣческая велика и она хорошо оплачиваетъ услуги тѣхъ, кто „возвышающимъ обманомъ“ скрываетъ отъ нихъ „тьму низкихъ истинъ“. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что спросъ рождаетъ предложеніе, и многіе, даже и большіе умы, сознательно или безсознательно берутся за эту задачу.

Впрочемъ, иногда обманываютъ сами себя, и тогда остается только съ жалостью отнести къ ихъ слабости.

Совершенно единичны примѣры истинно мудрыхъ и смѣлыхъ людей, которые, пройдя черезъ горнило отри-

цанія, приходили къ оптимистическому утвержденію жизни. Ни въ ихъ умѣ, ни въ ихъ искренности мы не имѣемъ права сомнѣваться, но никогда не надо забывать завѣта Шопенгауэра:

— Не придавайте значенія тому, что я буду говорить умирая, ибо это будетъ говорить уже не Шопенгауэръ, а только его трупъ!..

Какъ общее правило — оптимистическое міросозерцаніе формируется у великихъ отрицателей вмѣстѣ со старостью. Быть можетъ, тутъ играетъ роль естественное ослабленіе умственныхъ способностей, но вѣроятно, что, когда организмъ явно начинаетъ разрушаться и призракъ смерти встаетъ въ непосредственной близости, тогда падаетъ силами и великій духъ.

Инстинктъ жизни и страхъ смерти не только не угасаютъ съ лѣтами, но, напротивъ — развиваются до крайней степени. Молодость не цѣнитъ жизни, не боится смерти, которую даже и представить себѣ не можетъ, до того она переполнена жизненными соками. Старость же обѣими руками цѣпляется за остатокъ дней своихъ и въ ужасѣ передъ черной дырой могилы готова отказаться отъ опыта всей своей долгой и славной жизни. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что великіе умы, доживъ до глубокой старости и почувствовавъ въ костяхъ холодъ могилы, пали духомъ

и старались набросить хоть какой нибудь покровъ на свой собственный неизбѣжный и страшный конецъ.

Эти послѣдніе потуги умирающаго духа бываютъ страшны до смѣшного. Соломонъ дошелъ до бреда о царствѣ сорока тысячъ праведниковъ, Левъ Толстой впалъ въ ханжество.

IV

Если бы жизнь человѣческая была гармонична и прекрасна, человѣку не было бы никакой надобности доискиваться ея смысла и стремиться къ лучшему. Въ каждый моментъ своего существованія онъ восклицалъ бы стѣ всей полноты души:

— Мгновеніе, остановись!.. Ты прекрасно!..

Съ другой стороны, если бы не было страха смерти, никакія силы, ни земныя, ни небесныя, не заставили бы человѣка тянуть жизнь, настолько несовершенную и настолько отягченную страданіями, что она постоянно заставляеть мечтать о лучшемъ, будь то иныя формы земного существованія или блаженство загробнаго міра.

Мечниковъ называетъ страхъ смерти „великимъ закономъ, безъ котораго всѣ земныя существа были бы давно уничтожены“.

Есть люди, которые увѣряють, что имъ совершенно чуждъ страхъ смерти. Но если это не свидѣтельствуеть именно о глубокомъ отвращеніи къ жизни или не является результатомъ крѣпкой вѣры въ безсмертіе за гробомъ, то говоритъ лишь о малой сознательности.

Въ большинствѣ же случаевъ это, конечно, просто бравада, глупое и ненужное хвастовство!

„Тотъ лжетъ, кто увѣряетъ, что не боится смерти!“ — сказалъ Руссо.

При мысли о смерти, каждого человѣка охватываетъ если не паническій ужасъ, то смутное безпокойство — предчувствіе ужаса.

— О, эта мысль ужасна! — воскликнулъ Золя — бываютъ моменты, когда я ночью вскакиваю съ постели и стою остолбенѣлый въ состояніи невыразимаго ужаса!

Шопенгауэръ опредѣляетъ страхъ смерти, какъ самое сильное чувство, на которое способенъ человѣкъ, а Левъ Толстой признается, что долженъ прибѣгать къ хитрости, чтобы не лишиться себя жизни изъ страха смерти.

Счастливъ человѣкъ, что ему удастся на болѣе или менѣе значительное время забывать о смерти.

Впрочемъ, мысль о ней, мысль о полномъ уничтоженіи своего я настолько противорѣчитъ самосознанію человѣка, что ему даже и невозможно достаточно ясно представить себѣ моментъ своей агоніи и перехода въ небытіе. Едва ли я ошибусь, если за всѣхъ людей признаюсь, что у каждого изъ насъ, гдѣ-то въ самомъ глубоко́мъ тайникѣ души, подъ сознаніемъ, внѣ разума и логики, вопреки даже самой очевидности, шевелится неопредѣленная и безсмысленная надежда, что, хотя и правда, что всѣ люди смертны, но именно мы, мы не

можемъ умереть! Знаменитое логическое построение — „всякій человѣкъ смертенъ, Кай — человѣкъ, значитъ — Кай смертенъ!“ — нисколько не обязательно для нашего внутренняго подсознательнаго чувства, на которомъ, собственно, и держится такъ крѣпко древняя вѣра въ личное безсмертіе.

Если бы это было не такъ, если бы ни на одно мгновеніе нельзя было забыть о смерти, жизнь стала бы невыносимой. Именно этой невыносимостью даже хотя бы одного часа жизни, при полномъ сознаніи неотвратимости смерти, объясняется тотъ странный фактъ, что многіе люди, приговоренные къ смертной казни, кончаютъ жизнь самоубійствомъ, и при томъ зачастую способомъ гораздо болѣе мучительнымъ, чѣмъ тотъ, который ожидалъ ихъ отъ рукъ палача.

Гонкуръ говоритъ, что жизнь его „была бы облегчена отъ тяжкаго бремени, если бы онъ могъ изгнать изъ своего сознанія мысль о смерти“.

Сакья Муни, впервые понявъ значеніе смерти, въ отчаяніи воскликнулъ:

— Горе краткой жизни человѣческой! Горе всѣмъ прелестямъ удовольствія, напрасно соблазняющимъ сердце!

Будда просилъ отца своего даровать ему безсмертіе, въ противномъ случаѣ отказывается отъ всѣхъ благъ жизни, то есть, изъ страха смерти предпочитая жизни смерть.

Экклезіастъ, размышляя о смерти, „возненавидѣлъ жизнь и проклялъ всѣ дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ, какъ безсмысленную суету суетъ и томленіе духа“.

Даже въ полномъ свѣтлыхъ упованій жизнеописаніи Христа черной молніей мелькаетъ Его отчаянная молитва въ саду Геосиманскомъ, гдѣ до кроваваго пота молился Онъ, чтобы миновала Его чаша сія. Въ послѣднюю минуту, когда Онъ почувствовалъ приближеніе смерти, ужасомъ и холодомъ вѣялъ Его крикъ:

— Господи, Господи, почто Ты меня оставилъ!

Всѣ вожди и пророки, старавшіеся вложить въ жизнь человѣческую религіозный смыслъ, претворивъ ее въ служеніе Богу, все же должны были обѣщать людямъ безсмертіе, ибо передъ лицомъ полного уничтоженія оказывается безсильнымъ всякій нравственный законъ и безсмысленнымъ всякій смыслъ.

Самая благодѣтельная изъ религій, ученіе Христа, все построенное на самоотреченіи, не избѣгло догмата о безсмертіи, вновь подтвердивъ тѣмъ, что вопросъ о смерти есть основной вопросъ о жизни, безъ удовлетворительнаго рѣшенія котораго человѣку не нужно ничего — ни жизни, ни любви, ни Бога.

А между тѣмъ, казалось, въ самомъ фактѣ смерти нѣтъ ничего ужаснаго.

Конечно, веселіе могильныхъ червей и прелести разложенія, столь краснорѣчиво воспѣтыя блаженнымъ

Фино, достаточно отвратительны и сами по себѣ, чтобы внушить отвращеніе къ смерти. Но, вѣдь, они находятся уже „по ту сторону“, за предѣлами сознательнаго воспріятія, а потому не должны были бы пугать человѣка. Да и не тѣмъ мучится человѣкъ!

Физическія страданія, конечно, ужасны, но они не обязательны, и, кромѣ того, у человѣка имѣется достаточно средствъ, чтобы прекратить ихъ въ любой моментъ.

Достоевскій даже утверждалъ, что предсмертныя страданія не только не усложняютъ ужаса смерти, но даже облегчаютъ его.

„Подумайте, если, напримѣръ, пытка... При этомъ страданіе и мука тѣлесная, а, стало быть, это отъ душевнаго страданія отвлекаетъ, такъ что однѣми ранами и мучаешься, пока не умрешь. А, вѣдь, главная, самая сильная мука не въ ранахъ!..“

Многіе изъ людей, особенно остро переживающихъ страхъ смерти, только тѣмъ себя и успокаиваютъ, что предсмертныя страданія должны быть такъ велики, такъ ужасны и невыносимы, что или потеряешь сознаніе, или ужъ до такой степени измучишься, что возжелаешь смерти, какъ избавленія.

Если же говорить о горечи разлуки съ жизнью, солнцемъ, дорогими людьми, любимымъ дѣломъ и прочимъ, то, вѣдь, страшатся смерти, а иногда и болѣе другихъ, люди совершенно одинокіе, по натурѣ суровые, серд-

цемъ черствые и разумомъ тупые. Дикій быкъ и тотъ въ ужасѣ рветъ ногой землю и мычитъ, увидя въ полѣ мертвую бычью кость. Страшатся и тѣ, чья жизнь была сплошнымъ мученіемъ, безъ радости, безъ любви, безъ смысла. Люди соглашаются на вѣчное одиночное заключеніе, лишь бы избѣжать смерти. У того же Достоевскаго сказано, что человѣкъ, приговоренный къ смертной казни, охотно согласился бы милліоны лѣтъ, скорчившись просидѣть на вершинѣ голаго утеса, въ полномъ мракѣ и безмолвіи, лишь бы только не умирать, лишь бы жить и жить!

Человѣкъ содрагается даже при мысли о смерти во снѣ, безъ сознанія и мученій.

Такъ ясно же, что страхъ смерти существуетъ и помимо отвращенія къ физическому страданію, и помимо боязни предсмертныхъ мученій, и помимо горечи разлуки съ жизнью.

Въ чемъ же секретъ этого страшнаго, непобѣдимаго чувства, парализующаго такъ много дѣлъ и мыслей человѣческихъ? Есть ли это изначальный законъ или нѣчто иное?

V

Когда удовлетворена какая нибудь органическая потребность человека, наступает пресыщеніе. Самая пылкая страсть угасаетъ, когда она насыщена. И чѣмъ больше потребностей человека удовлетворены одновременно, тѣмъ естественнѣе для него желаніе покоя, отдыха.

Поэтому мы въ правѣ думать, что если бы въ процессѣ жизни всѣ потребности человека равномерно и гармонично насыщались, то наступило бы, наконецъ, пресыщеніе и самой жизнью. Человекъ такъ же естественно возжелалъ бы смерти, какъ желаетъ онъ уснуть послѣ долгаго трудового дня.

Тогда смерть явилась бы такою же потребностью, какъ и всякая иная потребность.

Если же этого нѣтъ, то, слѣдовательно, не насыщается человекъ своей жизнью и вѣчно остается неудовлетвореннымъ.

Если грубо схематизировать всѣ потребности человека, вытекающія изъ прирожденныхъ его свойствъ,

то онѣ распадутся на три группы: потребности сохраненія своего я, потребности выявленія своихъ индивидуальныхъ способностей и потребности знанія, то есть, соприкосновенія со всѣмъ окружающимъ міромъ. Между этими основными требованіями не всегда можно провести рѣзкую грань, но все, о чемъ мечтаетъ, чего желаетъ и къ чему стремится человѣкъ, заключено въ этой схемѣ.

А между тѣмъ, отъ зари сознанія и до нашихъ дней, въ жизни человѣчества не было такого момента, когда бы условія его существованія не были бы прямо враждебны удовлетворенію его потребностей, его запросовъ. Напротивъ, съ каждымъ новымъ шагомъ по пути внѣшняго и внутренняго прогресса идеаль гармонической жизни, какъ будто, все дальше и дальше отодвигается въ область недостижимыхъ утопій. Жизнь пещернаго человѣка, изнемогавшаго въ борьбѣ со стихіями, едва ли не была болѣе гармонична, чѣмъ жизнь современнаго „царя природы“, вооруженнаго всѣми завоеваніями науки и окруженнаго всѣми благами культуры.

Если наша задача заключалась въ томъ, чтобы создать такія условія, при которыхъ всѣ стороны человѣческой личности получали бы гармоническое развитіе и всѣ потребности ея были бы удовлетворены, то придется признать, что наши тысячелѣтніе труды привели къ совершенно обратнымъ результатамъ.

Жесточайшая эксплуатація, раздѣленіе людей на враждующія націи и классы, фальшивыя и уродливыя формы сожителства двухъ половъ, безконечное ограниченіе правъ личности и гнетъ надъ мыслью, вотъ то, чего мы добились!

Жизнь превратилась въ узкую тюремную камеру, подобную тѣмъ знаменитымъ клѣткамъ Людовика XI-го, въ которыхъ нельзя было ни сидѣть, ни стоять, ни лежать, и въ которыхъ человѣкъ днемъ и ночью, до самой смерти былъ вынужденъ пребывать въ самомъ неестественномъ, полусогнутомъ положеніи.

И ужасъ этого положенія усугубляется тѣмъ, что впереди нѣтъ никакого просвѣта. Человѣчество не только не стремится къ освобожденію, но явно приближается къ полному зарѣпощенію. Какъ бы отчаявшись въ достиженіи счастья, люди впадаютъ въ безумную мысль: заставить человѣка быть счастливымъ!.. Рождается и растетъ дикій планъ превратить всю землю въ рабочую казарму, уничтоживъ личность до конца, превративъ все человѣчество въ клѣточки единого организма, все назначеніе котораго — вырабатывать пищу и потреблять ее.

Между прочимъ, существуетъ весьма распространенное мнѣніе, будто всѣ уродства современной жизни произошли благодаря какой-то роковой ошибкѣ, и множество людей искренно вѣрять, что со временемъ эта

ошибка будетъ исправлена, и люди вернутся на какой-то иной, настоящій путь.

Поэтому они осуждаютъ культуру, проклинаятъ цивилизацію и зовутъ человѣчество назадъ, къ первобытной простотѣ жизни и нравовъ.

Такое представленіе о процессѣ историческаго развитія болѣе чѣмъ наивно. Человѣчество не есть нѣчто единое, движимое однимъ чувствомъ и одной волей. Человѣчество — это сложнѣйшій конгломератъ, совокупность безчисленныхъ волей, разнообразнѣйшихъ индивидуальностей. Только борьба за существованіе внѣшне объединяетъ людей, но не больше, чѣмъ половой инстинктъ объединяетъ собачью стаю. На подлинно общее движеніе, а слѣдовательно и на общую ошибку, человѣчество не способно. Глупость и злая воля отдѣльныхъ лицъ хотя и вліяютъ на общій ходъ историческаго процесса, но лишь постольку, поскольку форма и вѣсъ отдѣльной горошины вліяютъ на движеніе миллионовъ мѣръ гороху, высыпаннаго на покатую плоскость.

Какъ русло рѣки опредѣляется взаимоотношеніемъ двухъ силъ — напора массы водныхъ частицъ и сопротивленія грунта, такъ и путь человѣчества опредѣленъ столкновеніями cadaго атома человѣческой массы съ противодѣйствіемъ всѣхъ окружающихъ силъ,

отъ стихій до индивидуальныхъ интересовъ каждаго живого существа въ отдѣльности.

Человѣчество въ массѣ не могло ошибиться, не могло сбиться съ дороги, ибо оно всегда шло и всегда будетъ итти по единственному естественному направленію: въ сторону наименьшаго сопротивленія, во всѣхъ своихъ дѣлахъ подчиняясь одному закону — потребности момента.

И если послѣ многихъ вѣковъ пути оно оказалось тамъ, гдѣ находится нынѣ, то иначе, очевидно, и быть не могло.

Самыя вопіющія уродства и несправедливости нашей жизни являются логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ условій, въ которыхъ приходится жить, чувствовать и мыслить какъ общей человѣческой массѣ, такъ и ея отдѣльными представителямъ. И если человѣчество не удовлетворено достигнутыми результатами, то и это свидѣтельствуется не объ ошибкѣ, а лишь о томъ, что всегда существовало великое несоотвѣтствіе между потребностями человѣка и тѣми средствами, которыми онъ располагалъ для ихъ удовлетворенія.

Всякая потребность вызываетъ влеченіе къ предмету или дѣйствию, въ которыхъ заключается, или хотя бы только предполагается, возможность удовлетворенія. Это влеченіе можетъ быть осознано, но по существу оно бессознательно, инстинктивно. Объединяя причи-

ну и слѣдствіе въ одномъ понятіи, то есть, слагая потребность и влеченіе, мы различаемъ цѣлый рядъ инстинктовъ — половой, самосохраненія и т. д. — а такъ какъ всѣ потребности человѣка, въ ихъ общей совокупности, могутъ быть удовлетворены только въ процессѣ жизни, то у человѣка является влеченіе къ жизни, является стремленіе продолжить свою жизнь до тѣхъ поръ, пока она не насытитъ его. Это влеченіе къ жизни есть сумма инстинктовъ — инстинктъ жизни.

Пока этотъ инстинктъ не удовлетворенъ, въ человѣкѣ неизбежно, понятно и неустранимо, ибо естественно, отвращеніе къ смерти. Только тогда, когда будутъ такія условія жизни, при которыхъ станетъ возможнымъ насыщеніе жизнью, онъ избавится отъ „тяжелой ноши“ страха смерти.

Ибо тогда явится новая потребность: естественное желаніе покоя, отдыха, смерти.

Мечниковъ не правъ, полагая, что это можетъ быть достигнуто простымъ удлиненіемъ человѣческой жизни. Срокъ тутъ не при чемъ! Полнота жизни измѣряется не временемъ, а исчерпывающей полнотой переживаній.

Только тогда человѣкъ скажетъ „довольно!“, когда получитъ возможность свободнаго и полнаго развитія своей личности, неограниченнаго простора для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей.

Только созданіе такихъ условій и можетъ быть цѣлью какъ каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества въ массѣ.

Достижима ли эта цѣль — вопросъ достойный лишь человѣка, не отдающаго себѣ отчета въ громадности задачи, стоящей передъ человѣческимъ геніемъ. Впереди милліоны лѣтъ, милліарды силъ, не поддающихся учету. Мы можемъ только опредѣлять ближайшіе шаги и оцѣнивать то, что дѣлается у насъ на глазахъ.

VI

Созданіе такого идеальнаго бытія всегда было и будетъ первой задачей человѣческаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчнымъ поводомъ къ распрямъ межъ людей.

На рѣшеніе этой задачи затрачены вѣка, въ жертву принесены милліоны жизней, но отъ конца мы и нынѣ стоимъ такъ же далеко, какъ въ первый день мірозданія. Бесплодность всѣхъ усилій давно бы стала очевидной, если бы страхъ впасть въ отчаяніе не закрывалъ намъ глаза.

Наряду съ точной наукой и положительнымъ творчествомъ, направленными къ непосредственному улучшенію условій жизни, человѣчество упорно стремится къ отысканію такого всеобъемлющаго и всеоправдывающего смысла своего существованія, который спасъ бы его отъ отчаянія, примиривъ со своею участью. Именно это желаніе, найти смыслъ и цѣль существованія, указываетъ на то, что въ душѣ человѣка издавна и постоянно, хотя, можетъ быть, слишкомъ смутно, живетъ сознаніе, что жизнь и не можетъ удовлетворить его ни при какихъ внѣшнихъ условіяхъ порядка и культуры

Не будь этого рокового сознанія, можно съ увѣренностью сказать, что вопросъ о томъ, какую именно роль во вселенной призвано играть человѣчество, никогда не интересовалъ бы человѣка.

По существу цѣль жизни заключается въ самой жизни. Въ общемъ круговоротѣ мірозданія, конечно, человѣкъ не можетъ быть ни центромъ, ни самоцѣлью. Все человѣчество не болѣе, какъ песчинка въ ураганѣ вѣчности и безконечности, но тѣмъ не менѣе ему не можетъ быть никакого дѣла до того, какую именно партію въ міровой симфоніи предназначили ему Богъ или природа.

Если бы человѣкъ былъ счастливъ на землѣ, онъ никогда и не подумалъ бы о небѣ.

И если бы не было страха смерти, этого „великаго закона чувствующихъ существъ“, то человѣкъ уже давно возвратилъ бы свой билетъ на право играть какую бы то ни было роль въ этой бессмысленной, съ его точки зрѣнія, трагедіи безъ начала и конца.

Но страхъ смерти существуетъ, и всѣ усилія человѣческаго разума направлены къ тому, чтобы, если не уничтожить, то хотя бы парализовать его.

Многообразны пути человѣческой мысли, но въ какомъ бы направленіи она ни работала, всегда ея конечной цѣлью было и будетъ — побѣдить смерть.

Наука, философія и религія, несмотря на то, что часто находятся въ непримиримой враждѣ, равно преслѣдуютъ созданіе такихъ условій, при которыхъ человѣкъ не испытывалъ бы мучительной тоски въ борьбѣ со страхомъ смерти.

Наука даетъ человѣку новыя средства къ удовлетворенію его потребностей, борется съ болѣзнями, дряхлостью, защищаетъ его отъ преждевременной гибели, и возможно, что изъ всѣхъ существующихъ путей этотъ путь прямѣе всѣхъ. Но онъ дологъ, безконечно дологъ, а смерть не ждетъ, страхъ владѣетъ душой человѣка, страданіе его удручаетъ. Ни одно живое существо, находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, не можетъ утѣшаться тѣмъ, что черезъ милліоны лѣтъ наука, наконецъ, разрѣшитъ всѣ вопросы, дастъ всѣ средства. Каждый человѣкъ требуетъ рѣшенія задачи немедленно, для самого себя, и въ силу столь же естественнаго, сколь и легкомысленнаго требованія мысль человѣческая устремляется на пути иные.

Вмѣсто логическаго и кропотливаго пути познанія, отъ опыта къ опыту, отъ вывода къ выводу, ощупью пробирающагося къ далекой истинѣ, огромное большинство людей предпочитаетъ стремительныя умозаключенія, болѣе или менѣе остроумныя гипотезы.

Такъ называемыя философскія и религіозныя ученія однимъ скачкомъ, черезъ всѣ препятствія дѣйствитель-

ности и черезъ всѣ бездны незнанія, стремятся перепрыгнуть прямо къ цѣли.

Это такъ заманчиво, это кажется такимъ возможнымъ, что цѣлыя толпы все еще невѣжественныхъ и полудикихъ людей устремляются за пышными знаменами философіи и религіи, принося имъ въ жертву и силы, и разумъ, и самую жизнь.

Конечно, никакая философская или религіозная гипотеза не можетъ стать фактомъ, не можетъ ни на іоту измѣнить того, что есть, но цѣль философіи и религіозныхъ ученій не въ этомъ и заключается. Ихъ задача — черезъ голову дѣйствительности воздѣйствовать на сознаніе такъ, чтобы примирить человѣка съ его существованіемъ, найти объясненіе всѣхъ его страданій и на томъ успокоить.

VII

Происхожденіе религіи теряется въ глубочайшей древности, у самой колыбели сознанія — въ темномъ мозгу первобытнаго человѣка.

Установить, при какихъ условіяхъ возникло первое религіозное представленіе, возможно лишь съ помощью гипотезы, такъ какъ изученіе исторіи религій началось лишь въ XIX-омъ вѣкѣ, и до сихъ поръ мы еще не имѣемъ описанія всѣхъ формъ религіознаго сознанія, а слѣдовательно не можемъ даже и приблизительно опредѣлить моментъ его зарожденія.

По существу же всякое религіозное міровоззрѣніе заключается въ признаніи нѣкоего абсолюта, отъ котораго зависитъ все, а въ томъ числѣ и человѣкъ, и въ стремленіи согласовать свою жизнь съ требованіями этого абсолюта.

Поэтому всякое религіозное ученіе распадается на двѣ части: догматическую, опредѣляющую самое представленіе о существѣ верховнаго начала, и практическую или культъ, которымъ опредѣляется взаимоотношеніе между этимъ Началомъ и человѣкомъ.

Низшая ступень религіознаго сознанія есть грубый фетишизмъ, обожествляющій видимые предметы — камни, растенія, небесныя свѣтила, человѣка. Слѣдующей ступеню является политеизмъ, обожествляющій стихійныя силы природы — свѣтъ, движеніе... Въ послѣдующей стадіи развитія антропоморфизмъ облачаетъ эти силы въ сверхъестественные образы, по образу и подобію человѣка мыслимыхъ боговъ. Наконецъ, высшая ступень религіознаго сознанія есть идея Единого высшаго начала, верховной сущности, одаренной нечеловѣческими свойствами, идея Бога.

Впрочемъ, эпитеты „высшая и низшая“ могутъ быть приложимы не по реальнымъ признакамъ, а лишь по установившемуся взгляду, ибо не только по существу, но и въ хронологическомъ порядкѣ здѣсь невозможно установить первенство. Весьма трудно было бы доказать, что вѣра въ единого Бога, творца неба и земли, разумнѣе и выше вѣры въ любой изъ фетишей, а различныя формы религіозныхъ представленій появлялись и исчезали въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ, вытѣсняя взаимно другъ друга. Да и вообще религіозное сознаніе, блуждая въ туманахъ слѣпой, ни на чемъ не основанной вѣры „на слово“, всегда было такъ смутно, что смѣшивало самый грубый фетишизмъ съ самыми отвлеченными идеями, путаясь къ тому же между Богомъ-существомъ и Богомъ-сущностью.

Имѣется множество болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ о зарожденіи идеи Божества, но всѣ онѣ страдаютъ недостаткомъ, фатально присущимъ всѣмъ гипотезамъ безъ изъятія: всякая гипотеза только тѣмъ и хороша, что на ея мѣсто можно, по собственному усмотрѣнію, поставить другую гипотезу, не нанеся этимъ никакого видимаго ущерба истинѣ.

Теоріи, объясняющія возникновеніе религіознаго чувства, дѣлятся на супранатуралистическія и рационалистическія. Первыя признають религіозное чувство врожденнымъ или, по крайней мѣрѣ, результатомъ нѣкаго Божественнаго Откровенія, вторыя — прибрѣтеннымъ въ процессѣ борьбы за существованіе.

Послѣднее, конечно, представляется болѣе обоснованнымъ, ибо при внимательномъ анализѣ религіозныхъ представленій ясно обнаруживается въ ихъ построеніи участіе такихъ факторовъ, какъ страхъ передъ непонятными явленіями внутренняго и внѣшняго міровъ, художественное творчество, облакающее эти явленія въ опредѣленные образы, и разумъ, ищущій объединяющихъ началъ.

Но, какъ бы то ни было, нельзя не признать, что роль религіознаго чувства въ жизни человѣческой громадна. На извѣстной ступени развитія религія замѣняетъ человѣку и философію, и науку.

Оглядываясь въ прошлое, гдѣ въ туманной дали вѣковъ двигаются несмѣтные полчища полудикихъ существъ, блуждающихъ въ полномъ невѣжествѣ, трудно даже и представить себѣ, какъ бы могло человѣчество обойтись безъ объединяющихъ, организующихъ общество религіозныхъ представленій.

Вольтеръ сказалъ, что, если бы не было Бога, то его надо было бы выдумать.

„Не то странно, не то дивно,“ — говоритъ Достоевскій, устами Ивана Карамазова, — „что Богъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ, но то дивно, что такая мысль, о необходимости Бога, могла залѣзть въ голову такому дикому и злему животному, какъ человѣкъ.“

И это было бы дѣйствительно дивно, и дѣйствительно эта мысль была бы „трогательна, премудра и свята“, если бы религія была самоцѣлью. Но назначеніе ея совершенно опредѣленно и носить чисто утилитарный характеръ: она творитъ нравственный законъ и опредѣляетъ цѣль жизни. Религіозныя представленія дороги человѣку лишь постольку, поскольку они помогаютъ ему строить общество, переносить страданія и бороться со страхомъ смерти. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ вліяніе религіи, дѣйствительно, чрезвычайно велико. Но она дѣйствуетъ не на разумъ, а на чувство, не проясняя, а затемняя сознаніе. Какъ только ея гипнотическое вліяніе ослабѣваетъ и религія больше

не даетъ человѣку покоя и утѣшенія, такъ тотчасъ же всякое религіозное представленіе выбрасывается прочь, не только безъ сожалѣнія, но даже съ озлобленіемъ, точно простое стекло, принятое нищимъ за алмазъ.

И именно потому, что задача всякой религіи примирить человѣка съ его страданіями и убить въ немъ страхъ смерти, всѣ религіи неизмѣнно сводятся къ торжественному обѣтованію безсмертія. Въ этомъ ихъ главный смыслъ, и даже нравственный законъ, ими творимый, служитъ, главнымъ образомъ, къ вѣрнѣйшему достиженію загробнаго блаженства.

Такъ какъ во всемъ видимомъ мірѣ нѣтъ угла, куда бы человѣкъ могъ спрятаться отъ смерти и страданій, то всѣ религіи основаны на вѣрѣ въ иной, невидимый и для разума непостижимый міръ.

Поскольку страхъ смерти и жажда безсмертія вытекаютъ изъ неудовлетворенности земной жизнью, то этотъ невидимый міръ естественно представляется міромъ совершеннымъ, „идеже нѣсть ни болѣзни, ни воздыханія, но жизнь безконечная“, міромъ чудеснаго сліянія съ Богомъ, міромъ, исполненнымъ свѣта и радости. Въ этомъ мірѣ окончательно воплощается все та же неистребимая мечта о лучшемъ будущемъ.

Естественно, что если такое стремленіе серьезно овладѣваетъ сознаніемъ, то оно способно совершенно примирить человѣка съ его горькой участью на зем-

лѣ и даже вполне уничтожить страхъ смерти. И ужъ конечно, если бы религіозное сознаніе могло опереться на неоспоримые факты, то человѣчество и не нуждалось бы ни въ чемъ иномъ.

Но, къ сожалѣнію, существованіе Божества и загробнаго міра не подтверждается ничѣмъ, кромѣ развѣ свидѣтельства такъ называемыхъ пророковъ да галлюцинацій религіозныхъ фанатиковъ.

Правда, эти галлюцинаціи являются уже до нѣкоторой степени реальными данными. Еще недавно столь модный прагматизмъ предлагалъ исходить изъ такого положенія: ни одинъ человѣкъ не въ состояніи видѣть и осязать всю совокупность явленій внѣшняго міра и представленіе о немъ создаетъ на основѣ авторитетныхъ свидѣтельствъ, а потому, если тысячи людей, въ искренности которыхъ нѣтъ основаній сомнѣваться, свидѣтельствуютъ о божественныхъ откровеніяхъ, то и ихъ свидѣтельства должны быть учтены, какъ доказательства, какъ факты. Вѣдь, въ концѣ концовъ, „человѣкъ есть мѣра вещей“!

Такое разсужденіе имѣло бы значеніе только въ случаѣ, если бы „многообразіе религіознаго опыта“ было доступно всѣмъ людямъ независимо отъ ихъ отношенія къ религіи. Но всѣ, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, свидѣтельства исходятъ отъ людей не только религіозныхъ, но даже фанатически-религіозныхъ.

Всякій опытъ цѣненъ лишь постольку, поскольку онъ поддается хладнокровной и произвольной повѣркѣ, безъ приведенія себя въ какое либо особое настроеніе. Если мы никогда не видѣли мыса Доброй Надежды и вѣримъ свидѣтельству географовъ и путешественниковъ на слово, то мы знаемъ по опыту, что въ любой моментъ можемъ поѣхать и увидѣть этотъ мысъ собственными глазами. Религіозныя же видѣнія были и остаются достояніемъ немногихъ избранныхъ, въ большинствѣ случаевъ явно-истерическихъ субъектовъ. По желанію этихъ видѣній вызвать нельзя. Поэтому ихъ реальная цѣнность исчерпывается доказательствомъ, что на известной ступени напряженія религіозное чувство можетъ вызывать въ человѣкѣ какія-то особенныя переживанія.

Безпочвенность всякаго религіознаго міровоззрѣнія, это знаменитое Джемсовское „право принять положеніе, опирающееся на вѣру, даже въ томъ случаѣ, если оно не оправдывается никакими логическими мотивами“, привело къ безконечной трансформациі религіознаго сознанія.

Религіи созидались и разрушались, существовали одновременно, взаимно отрицая другъ друга, развѣтвлялись на множество догматическихъ теченій и, въ концѣ концовъ, не дали человѣчеству ничего, кромѣ свирѣпаго фанатизма, религіозныхъ войнъ, крестовыхъ походовъ и грубыхъ насилій надъ совѣстью и разумомъ. Безуслов-

но, никакое другое явленіе въ жизни человѣчества не стоило ему столько крови, какъ религія. И врядъ ли эта кровь не перевѣшиваетъ съ избыткомъ ту пользу, которую религія, какъ организующее начало, принесла жизни.

Разумъ, подвергающій религіозныя представленія жестокой критикѣ, является величайшимъ и непримиримымъ врагомъ религіи. Поэтому всѣ религіи упорно боролись съ разумомъ и его законнымъ дѣтищемъ — наукой.

Въ былыя времена (да врядъ ли и не нынѣ) всякая критика религіозныхъ догматовъ почиталась ересью, богохульствомъ, а наука вызывала изступленныя обвиненія въ чернокнижій.

Впослѣдствіи отношеніе религіи къ даннымъ научнаго познанія, реальную цѣнность которыхъ было уже невозможно отрицать, приняло форму компромисса, блестяще сформулированнаго знаменитымъ Раймондомъ Великимъ, прозваннымъ „благоухающимъ монахомъ“, который потребовалъ для человѣка права: съ одной стороны отрицать, основываясь на опытѣ и выводахъ своего разума, а съ другой — согласно требованіямъ культа, считать абсолютной и незыблемой истиной.

Не въ столь эквилибристической формѣ, но такое отношеніе къ наукѣ и чистому разуму до сихъ поръ присуще многимъ религіознымъ мыслителямъ, охотно признающимъ непререкаемость научныхъ выводовъ,

но упорно ставящимъ надъ разумомъ еще болѣе непререкаемую цѣнность отвлеченныхъ религіозныхъ настроеній.

Анри Бергсонъ, этотъ послѣдній пророкъ въ сюртукѣ профессора, провозгласилъ, что разумъ способенъ охватить только мертвое, раздѣльное, интуиція же охватываетъ единое, нераздѣлимое.

И въ самое новѣйшее время, среди религіозно настроенныхъ людей, появилось стремленіе вовсе отрицать разумъ, какъ нѣкое низшее свойство человѣка, только мѣшающее ему установить истину, отвлекающее его вниманіе отъ главнаго къ мелочамъ.

Но такъ какъ для доказательства такого рискованнаго положенія отрицатели разума должны пользоваться разумомъ же, какъ оружіемъ, то этимъ доказывается только печальная способность человѣка окончательно и безнадежно запутываться въ собственныхъ словахъ.

Вражда между религіознымъ чувствомъ и разумомъ оказалась непримиримой и привела къ торжеству разума. Въ нашу эпоху религія стала достояніемъ самыхъ темныхъ массъ, по суммѣ знаній и развитію недалеко ушедшихъ отъ пещернаго человѣка.

Правда, колоссальное большинство людей все еще сохраняетъ въ душѣ смутную потребность какой-то вѣры, но ихъ религіозныя представленія шатки и сбивчи-

вы. Въ ихъ личной жизни эти представленія играютъ столь незначительную роль, такъ мало вліяють на ихъ поступки и характеры, что могли бы быть изъятими безъ всякаго ущерба, если бы у нихъ хватило смѣлости отказаться отъ послѣдней, крошечной надежды на безсмертіе.

— Вѣрю, Господи, помоги невѣрію моему, ибо иначе ужъ черезчуръ страшно жить!..— вотъ и весь источникъ ихъ религіознаго чувства.

Религія умираетъ, заходитъ величавое солнце вѣры, столько вѣковъ освѣщавшее пути человѣчества, и, глядя на его сумрачный закатъ, человѣкъ съ тревогой и грустью думаетъ, что оно уже не взойдетъ болѣе.

Но... „одна заря смѣнить другую спѣшитъ, давъ ночи полчаса...“

VIII

Стремленіе къ уясненію смысла бытія ищетъ себѣ удовлетворенія съ одной стороны въ религіозныхъ упованіяхъ, а съ другой — въ научныхъ выводахъ, основанныхъ на изученіи реальныхъ явленій.

Но до сихъ поръ ни наука, ни религія не могли удовлетворить человѣчество, ибо наука еще не въ состояніи точно установить связь между явленіями внутренняго и внѣшняго міровъ, или вѣрнѣе — ихъ тождественность, а религія, убѣдительная для того, кто хочетъ вѣрить, ничего не говоритъ тому, кто хочетъ знать.

Вѣра и наука находятся въ непримиримой враждѣ. Вѣра не нуждается въ доказательствахъ и даже боится ихъ, ибо даже въ самой потребности доказательствъ — залогъ разрушительнаго сомнѣнія, тамъ же, гдѣ царствуетъ разумъ, нѣтъ мѣста для вѣры.

И вотъ, философія, по выраженію профессора Кирѣвскаго, „кругленькимъ яблочкомъ упала между религіей и наукой“. Черпая свои утвержденія изъ анализа дѣятельности и сущности, философская мысль близ-

ко соприкасається съ наукой, но по своимъ заданіямъ уходитъ за тотъ кругъ, гдѣ вращается религіозная мысль.

„Философія, — говоритъ Ковалевскій, — равняется наукѣ плюсъ нѣчто, что стоитъ внѣ науки, и является объектомъ гипотезъ.“

Поэтому философія такъ часто является источникомъ религіознаго культа. Многія религіи, какъ, на примѣръ, Буддизмъ, въ основѣ своей имѣютъ чисто-философское ученіе. И явленіе это совершенно естественно: философская мысль стремится дать немедленный и исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ о конечномъ смыслѣ бытія, а разъ какое либо ученіе претендуетъ на обладаніе конечной истиной, для адептовъ его слишкомъ большой соблазнъ — претворить гипотезу въ догматъ. Это тѣмъ легче, что большинство философскихъ ученій вращается у мысли о безсмертіи, составляющей, въ сущности, основу всякаго религіознаго міровоззрѣнія.

Платонъ утверждалъ, что „истинный философъ всю жизнь свою размышляетъ о смерти“.

Долгое время философская мысль была поглощена идеей безсмертія личнаго, но уже Аристотелемъ эта идея была отвергнута, и ей на смѣну явились разнообразныя гипотезы о посмертномъ сліяніи съ какимъ-то блаженнымъ источникомъ вѣчной жизни. Какъ говоритъ Мечниковъ: „за неимѣніемъ загробной жизни, которую первобытныя вѣрованія представляли себѣ до-

вольно ясно, философія не нашла ничего другого кроме туманнаго возврата къ общему и вѣчному началу.“

Съ этого момента, геніальная въ своей трогательной наивности и столь драгоцѣнная для человѣчества мечта о лучшемъ будущемъ за могилой отошла въ область чисто-религіозныхъ упованій, а философская мысль углубилась въ дебри пантеистическихъ представленій, туманныхъ, какъ вѣчность и безконечность, съ которыми онѣ неразрывно связаны.

Философскія системы многочисленны и многообразны, но всѣ они сводятся къ одному основному заданію найти смыслъ бытія.

Изобрѣтательность человѣческаго разума, пышность фантазіи и гибкость языка дали многимъ философскимъ ученіямъ возможность создать изумительныя и ошеломляющія своей стройностью и красотой системы, но реальная цѣнность всѣхъ этихъ умственныхъ симфоній осталась равной всякому произведенію искусства. Какъ музыка услаждаетъ слухъ и воздѣйствуетъ на чувство, такъ и онѣ увлекаютъ, не двигая съ мѣста. Тайна о происхожденіи міра и роли въ немъ человѣка осталось тайной. Самая блестящая гипотеза все же не фактъ, и, какъ бы ни была стройна система логическихъ построеній, въ концѣ концовъ все же возникаетъ вопросъ: да, все это прекрасно, все это убѣдительно, но можетъ быть это все-таки не такъ ?

Оперируя логическимъ методомъ, философская мысль создаетъ стройное зданіе и, именно въ силу требованій стройности, всѣ явленія внутренняго и внѣшняго міровъ вынуждена слить въ единую гармонію, приводя, въ концѣ концовъ, къ выводу о полнѣйшей цѣлесообразности законовъ мірозданія.

Отсюда Гегелевское: „все разумно“, и выводъ Фихте: „цѣль нашего существованія вовсе не въ томъ, чтобы быть блаженными, а въ томъ, чтобы стать достойными блаженства.“

Ибо разъ все во вселенной цѣлесообразно и разумно, то оно и прекрасно. Если же все прекрасно, то человѣкъ не имѣетъ права быть неудовлетвореннымъ. Если онъ страдаетъ, то только по недомыслію, не понимая гармоничности своихъ страданій, или потому, что не желаетъ, не умѣетъ приспособиться къ мудрымъ, прекраснымъ, цѣлесообразнымъ законамъ природы. Онъ долженъ понять это и долженъ безъ ропота и страха примириться со своею участію, какъ бы тяжела она ни казалась.

Такіе выводы, конечно, весьма слабое утѣшеніе для чувствующаго и страдающаго человѣка. Чѣмъ блестяще были теоріи, чѣмъ неотразимѣ доказательства мудрой цѣлесообразности, тѣмъ сильнѣе чувство горечи и безсилія, ибо изъ абсолютной цѣлесообразности нѣтъ уже никакого выхода. На этой почвѣ зародился

ядовитый червь сомнѣнія, который превратился въ великолѣпную черную бабочку отрицанія, и на сцену выступила философія пессимистическая. Она окончательно отвергла всякую мысль о безсмертіи и, въ концѣ концовъ, пришла къ роковому выводу о полной бессмысленности человѣческой жизни, съ точки зрѣнія человѣческаго разума и чувства.

Область діалектики, въ которой оперировала философская мысль, утопила ее въ водозоротъ фразеологін. Она такъ далеко отошла отъ непосредственной жизни, что, наконецъ, въ ней не осталось ничего, кромѣ игры понятій, умственной гимнастики.

Современная роль философскихъ исканій великолѣпно характеризуется одной случайной фразой изъ письма типичнѣйшаго російскаго интеллигента Станкевича:

— Во Флоренціи мы перебалтывали логику, зимой думаемъ приняться за философію !

Оглядываясь на прошлое, должно, конечно, признать, что для умственнаго развитія человѣчества философія имѣла огромное значеніе, и этого совершенно достаточно, чтобы съ почтеніемъ обозрѣвать философскія руины прошлаго.

Но не надо забывать, что жизнь, это — такая чудовищная машина, которая, въ конечномъ итогѣ, перерабатываетъ себѣ на потребу все, что угодно. Она исполь-

зуетъ и друзей, и враговъ, и яды, и лекарства, но въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не въ ту сторону, куда это предполагалось.

Безстрашно же оцѣнивая завоеваніе философской мысли въ смыслѣ прямого приближенія къ разрѣшенію задачи о смыслѣ и цѣли человѣческой жизни, нельзя не видѣть, что въ итогѣ получился -- если не нуль, то огромный вопросительный знакъ — и только.

И если закатывается солнце вѣры, то и философская луна находится на ущербѣ.

IX

Продолжая судорожно метаться въ поискахъ иной, лучшей жизни, отчаявшись въ религіозныхъ упованіяхъ и разочаровавшись въ философскихъ гипотезахъ, человѣчество обратилось къ непосредственной борьбѣ съ несовершенствами самаго строя своей жизни.

Люди, кажется, поняли, что „тамъ, надъ звѣздами, нѣтъ никого“, и что самыя прекрасныя гипотезы не могутъ дать ни покоя, ни удовлетворенія, пока въ силѣ остаются реальныя причины страданій.

На смѣну религіознымъ и философскимъ ученіямъ пришли ученія соціальныя, усматривающія причину несовершенства жизни въ несправедливомъ устройствѣ человѣческаго общества. Эти ученія, самоувѣренно опираясь на данныя, добытыя такъ называемой соціологіей, заявили претензію дать человѣчеству все, о чемъ оно мечтало, въ чемъ такъ нуждалось съ незапамятныхъ временъ: и смыслъ жизни, и цѣль борьбы, и счастье на землѣ.

Соціологія есть терминъ, введенный Кантомъ, для обозначенія науки о законахъ, управляющихъ обще-

ственной жизнью. Матеріаломъ для этой науки служитъ все, что такъ или иначе опредѣляетъ взаимоотношеніе различныхъ группъ человѣческой массы: исторія, экономика, право, этнографія и т. д. Но несмотря на все обиліе и разнообразіе матеріала, не взирая на примѣненіе естественно-научнаго метода изслѣдованій, соціологія врядъ ли заслуживаетъ названія точной науки, ибо до сихъ поръ еще даже приблизительно не намѣтила основныхъ законовъ развитія человѣческаго общества. По отношенію къ подлинно точнымъ наукамъ она находится въ томъ же положеніи, въ какомъ астрологія находилась къ астрономіи, и алхимія — къ химіи. Это только смутный зародышъ науки, находящійся въ стадіи первоначальнаго образованія.

И тѣмъ не менѣе она уже породила цѣлый рядъ ученій, играющихъ въ жизни человѣчества огромную роль.

Явленіе это, впрочемъ, обычно для исторіи человѣческой мысли. Человѣчество, нетерпѣливо жаждущее осуществленія своей страстной мечты о лучшемъ будущемъ, уже не разъ, очертя голову, бросалось въ погоню за едва мелькнувшимъ призракомъ.

Волнуясь и спѣша, оно съ жадностью набросилось на смутныя, не провѣренныя опытомъ, не вылившіяся въ точную формулу, данныя соціологіи, и много сильныхъ разумомъ и волею людей подняло знамя кровавой борьбы за новые идеалы, съ яростью фанатиковъ,

отвергая всякое сомнѣніе въ правильности своихъ выводовъ.

А выводы эти крайне общи и поверхностны, представляя изъ себя, въ сущности, ничто иное, какъ только рядъ лозунговъ безъ подлинно-реального содержанія. А потому въ жизненномъ толкованіи ихъ сталкиваются самыя противорѣчивыя программы, Эти толкованія, эти программы умножаются день ото дня, запутывая понятія, сталкивая, какъ лютыхъ враговъ, людей, казалось бы, искренно идущихъ къ одной и той же цѣли, подъ одними и тѣми же знаменами.

Соціализмъ и анархизмъ, распадающіеся на множество мелкихъ теченій, являются важнѣйшими изъ опредѣлившихся соціально-политическихъ ученій, во имя которыхъ уже пролились потоки крови и слезъ.

Въ основу ихъ равно положено грубо-матеріалистическое представленіе о человѣкѣ, какъ о производномъ отъ чисто-экономическихъ причинъ, и оба эти теченія движутся увѣренностью, что съ устраненіемъ экономического неравенства, созданіемъ справедливаго, въ смыслѣ распредѣленія труда и его продуктовъ, общественнаго строя, исчезнутъ всѣ язвы, отравляющія человѣческую жизнь.

Однако же пути къ этому земному раю намѣчаются не только различные, но и прямо противоположные.

Если отшелушить всѣ эти ученія и выявить ихъ подлинную сущность, то ее можно выразить въ очень немногихъ словахъ.

Анархизмъ отрицаетъ принужденіе, отвергаетъ всякій внѣшній авторитетъ, власть и законъ. Согласно этому ученію, только при условіи неограниченной свободы личности человѣчество сможетъ подняться на ту высоту умственного и моральнаго развитія, на которой станетъ возможнымъ единеніе людей, какъ свободное, могучее и счастливое братство.

Соціализмъ противоположенъ индивидуалистическому анархизму. Это ученіе требуетъ подчиненіе личности интересамъ коллектива, и единеніе людей мыслить не какъ свободное братство, а какъ трудовую артель, спаянную общими экономическими интересами. Необходимости принужденія соціализмъ не отрицаетъ. Его законъ суровъ и жестокъ: кто не работаетъ на общее благо, тотъ не имѣетъ права существовать!.. Цѣнность человѣческой личности, столь высоко возносимой анархистами, здѣсь попадаетъ до цѣнности простой рабочей единицы.

Соціализмъ имѣетъ два развѣтвленія: коллективизмъ и коммунизмъ. Коллективизмъ сохраняетъ нѣкоторую свободу личности, признавая частную собственность и требуя лишь обобществленія орудій производства, сношеній и обмѣна. Коммунизмъ же, являясь, несомнѣнно,

логическимъ завершеніемъ основной идеи о подчиненіи личности интересамъ коллектива, отвергаетъ всякую частную собственность, уничтожаетъ субъективную цѣнность человѣческой личности и рамками общественной полезности кладетъ предѣлъ индивидуальному творчеству. Это уже не подчиненіе, а полное поглощеніе личности. Платонъ, правда, представитель утопическаго коммунизма, требовалъ даже обобществленія женъ и дѣтей. Идеалъ коммунизма не братство и даже не рабочая артель, а просто какой-то усовершенствованный человѣческій механизмъ, въ которомъ отдѣльный человѣкъ долженъ играть роль простой клѣтки въ организмъ.

Х

Анархическое учение туго проникаетъ въ сознание массъ, ибо его идеалы слишкомъ туманны, а теоретики этого учения не въ состояніи дать яснаго представленія объ анархическомъ строѣ. По выраженію Грива анархизмъ все еще только „хаосъ идей“.

Лишь очень немногіе мечтатели и фантазеры могутъ удовлетвориться тѣми пышными, но лишенными всякаго реального содержанія фразами „о свободной жизни свободныхъ людей на свободной землѣ“, которыми, въ сущности, исчерпываются всѣ данныя о будущемъ анархическомъ строѣ человѣческаго общества.

Но человѣчество, какъ собраніе живущихъ и страдающихъ людей, не можетъ только мечтать. Оно нуждается въ точныхъ формулировкахъ, въ конкретномъ представленіи. Обреченное вѣчно зависѣть отъ мелочей своего быта, оно желаетъ въ реальныхъ чертахъ представить себѣ тотъ фантастическій міръ освобожденной личности, о которомъ такъ увлекательно говоритъ анархистская проповѣдь.

Однако, вожди анархической мысли лишь смутно намѣчаютъ путь къ этому міру, ловко прячась за всевозможные „смѣлые взлеты мысли“ и ненависть къ закоченѣвшей догмѣ.

„Въ основу анархическаго міровоззрѣнія можетъ быть положенъ лишь одинъ принципъ — безграничнаго развитія человѣка и безграничнаго расширенія его идеала“ — говоритъ Боровой. — „Анархизмъ не знаетъ и не можетъ знать послѣдняго, совершеннаго строя, успокаивающаго всѣ человѣческіе запросы, отвѣчающаго на всѣ исканія. Сущность анархизма — въ вѣчномъ безпокойствѣ, вѣчномъ отрицаніи.“

Безграничное развитіе человѣка заложено въ основу жизни, это свойство жизни, и если анархическое ученіе сводится къ признанію этого факта, то исчезаетъ и необходимость въ самомъ ученіи. Если же его сущность сводится къ вѣчной лихорадкѣ и отрицанію ради отрицанія, то оно не можетъ быть свѣтлымъ идеаломъ изстрадавшагося человѣчества, жаждущаго покоя и счастья.

Практическая же программа анархизма сводится къ необходимости полнаго разрыва съ прошлымъ, къ необходимости разрушенія всего стараго, дабы „голый человѣкъ на голой землѣ“ (Андреевъ) могъ начать свое невѣдомое міру, строительство.

Въ воспоминаніяхъ Мечникова есть любопытная сценка, повѣствующая о посѣщеніи имъ извѣстнаго Бакунина.

Знаменитому естествоиспытателю, конечно, былъ глубоко чуждъ паѳосъ знаменитаго анархиста, который на вопросъ „что же будетъ на другой день послѣ анархическаго переворота?“ отвѣтилъ, дѣлая широкіе жесты:

— Ну, этого предсказать нельзя! Непосредственная задача состоитъ въ томъ, чтобы не оставить камня на камнѣ, а тамъ уже будетъ видно, какъ строить новую жизнь!

Иного отвѣта, разумѣется, и быть не могло, при условіи полной искренности и отказа отъ звонкихъ, фразъ. Хотя современные анархисты и отрешиваются отъ романтическаго анархизма временъ Бакунина, но ученіе, исходящее изъ необходимости полнаго разрыва съ прошлымъ и жизнестроительства „изъ ничего“, не можетъ не быть романтическимъ по существу.

Передъ духовнымъ окомъ вдохновеннаго апологета этого будущаго строя „въ плѣнительномъ ореолѣ встанетъ новое общество, общество всесторонне развитыхъ, свободныхъ личностей... Это новое общество объединяетъ безчисленное количество индивидуальныхъ способностей, темпераментовъ и энергій. Оно никого не

изгоняетъ изъ своей среды, всѣмъ одинаково открываетъ доступъ къ счастію и жизни. Оно всѣмъ предоставляетъ право свободной инициативы, свободной дѣятельности и свободной ассоціаціи, во всѣхъ возможныхъ видахъ и во всѣхъ возможныхъ цѣляхъ. Но ассоціаціи всегда измѣнчивой, мѣняющей свои формы въ зависимости отъ требованій своихъ членовъ. Это новое общество, будучи врагомъ разъ навсегда установившихся формъ, найдетъ гармонію въ равновѣсіи, всегда измѣнчивомъ подъ вліяніемъ разнородныхъ силъ. Дорогу освобожденной личности, да святится имя ея и да пріидетъ царствіе ея!..“ (Левинъ)

Эта громовая Осанна, смахивающая на истерическій визгъ, рождаетъ горькое сомнѣніе въ серьезности вложенной въ нее мысли.

Въ концѣ концовъ она обличаетъ до крайности наивное идеалистическое представленіе о человѣкѣ, какъ о высшемъ существѣ, одаренномъ свѣтлымъ и благимъ духомъ. Для убѣжденнаго анархиста должно быть непререкаемой истиной, что освобожденный отъ всѣхъ оковъ человѣкъ направитъ всѣ силы своихъ воли и ума непремѣнно и единственно на общее благо.

Но всѣ естественно-научныя данныя о природѣ многообразной и до сихъ поръ полной неразгаданныхъ тайнъ природѣ человѣка противорѣчатъ такому пред-

ставленію Достаточно обоснованнымъ является опасеніе, что неограниченно-свободныя ассоціаціи „безчисленнаго множества индивидуальныхъ способностей, темпераментовъ и энергій“, организованныя „во всѣхъ возможныхъ цѣляхъ и видахъ“, могутъ поставить себѣ, между прочимъ, и цѣли, грубо эгоистическія, прямо враждебныя той же свободѣ личности.

Вѣдь, какъ говоритъ Боровой, „проблемы права въ анархическихъ условіяхъ трактуются весьма неясно“.

Весь ужасъ въ томъ, что принципъ неограниченной свободы личности совершенно не совмѣстимъ съ какимъ бы то ни было видомъ принужденія и кары. А потому, вмѣсто того, чтобы предполагать, будто неограниченная свобода будетъ личностью использована исключительно для „плѣнительнаго“ устройства общей жизни, гораздо естественнѣе предположить, что она вернетъ человѣчество къ исходному положенію: къ самой безпощадной борьбѣ за существованіе всѣхъ противъ всѣхъ.

Не этой ли неограниченной свободой уже пользовался человѣкъ, когда вмѣстѣ съ дикими звѣрями бродилъ по полямъ и лѣсамъ доисторической эпохи, скаля зубы при встрѣчѣ съ себѣ подобными?

И не ради ли именно спасенія отъ этой жестокой свободы самыхъ грубыхъ инстинктовъ, человѣчество, съ усердіемъ и трудомъ, въ теченіе тысячелѣтій строи-

ло свое хрупкое, кровью и потомъ миллионовъ поколѣній слѣпленное зданіе цивилизаціи?

Конечно, призракъ неограниченной свободы всегда будетъ волновать воображеніе человѣчества, задавленного общественнымъ рабствомъ, но пока анархическая мысль не воплотитъ свой идеалъ въ реальныхъ образахъ, до тѣхъ поръ анархія будетъ лишь синонимомъ бунта и разрушенія.

XI

Кромѣ безчисленнаго множества всякихъ несправедливостей, порожденныхъ самими людьми въ угарѣ борьбы за существованіе, есть еще одна, самая жестокая и отъ воли человѣка независящая: не всѣ рождаются одинаково приспособленными къ жизни.

Умъ и глупость, красота и безобразіе, здоровье и болѣзненность, талантливость и тупость, сила и слабость ставятъ людей въ столь неравныя условія борьбы, что ихъ жизненные интересы подвергаются опасности съ перваго же момента ихъ существованія.

Устранить эту опасность можно только установленіемъ такого права, которое ограждало бы интересы всѣхъ.

Собственно, природа знаетъ только одно право — право сильнаго. Согласно ея жестокимъ законамъ, каждый долженъ самъ завоевывать свою долю свѣта, тепла и счастья. Тотъ, кто не способенъ къ этому, обреченъ на гибель или на жалкое рабское существованіе.

Однако признаки силы и слабости распредѣляются случайно и пестро: красота часто соединена съ глупо-

стью, умъ съ болѣзненностью, талантливость съ безобразіемъ, здоровье съ бездарностью... Кромѣ того, индивидуальная сила подвержена постояннымъ колебаніямъ въ зависимости отъ случайности, обстановки, возраста, болѣзней; она отнюдь не абсолютна, а лишь сравнительна: одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть сильнымъ въ одномъ случаѣ и слабымъ въ другомъ.

Очевидно природное право сильного есть нѣчто колеблющееся, неустойчивое, требующее постоянной настороженности, равно изнурительной какъ для слабого, такъ и для сильного. Никакое общество не можетъ спокойно существовать, опираясь на такое шаткое основаніе, а потому въ сознаніи людей давно возникла мысль о созданіи такого общественнаго строя, который покоился бы на болѣе прочномъ фундаментѣ.

Для осуществленія этой идеи нужно было найти неизмѣнную величину, которая могла бы служить постоянной и однообразной мѣрой права. Такая величина была найдена, и въ основу вошло понятіе объ абсолютномъ правѣ каждого человѣка на жизнь.

Конечно, это право ошибочно признается естественнымъ и абсолютнымъ, ибо оно, несомнѣнно, зиждется на представленіяхъ нравственнаго порядка, а всякій нравственный законъ есть продуктъ человѣческаго, слишкомъ человѣческаго, творчества. Самое понятіе о

правъ не можетъ быть естественнымъ, ибо природа не знаетъ никакихъ правъ и вѣдаетъ только возможности.

Тѣмъ не менѣе, въ процессъ общественнаго развитія право каждого человѣка на жизнь настолько вошло въ сознаніе, что приобрѣло дѣйствительно характеръ абсолюта и претворилось въ идею всеобщаго равенства.

Соціализмъ и есть воплощеніе этой идеи и ея завершеніе, ибо соціалистическое ученіе требуетъ не только равенства правъ, но и равенства обязанностей.

Ученіе, равно соблазнительное какъ для идеалистически настроенныхъ верховъ интеллигенціи, такъ и для грубо эгоистическихъ низовъ общества, не могло не завладѣть умами и не увлечь за собой массы. Какъ двуликій Янусъ, соціализмъ поворачивается къ однимъ — свѣтлымъ ликомъ братства, равенства и свободы, къ другимъ — свиной мордой всеобщей сытости.

Апологеты соціализма видятъ въ немъ единственное возможное рѣшеніе задачи объ устройствѣ такого общественнаго строя, въ которомъ, благодаря справедливому распредѣленію труда и его продуктовъ, въ человѣчествѣ изсякнутъ всѣ поводы къ враждѣ и насилію, а слѣдовательно жизнь станетъ прекрасной.

Къ сожалѣнію, эта жизнь сильнѣе всѣхъ человѣческихъ измышленій, и въ такомъ свѣтломъ представленіи о грядущемъ раѣ на землѣ кроется глубокое за-

блужденіе, обѣщающее человѣчеству лишь новое великое разочарованіе.

Человѣку, какъ и всякому живому существу, свойственно стремиться къ максимуму тѣхъ благъ, какія въ каждый моментъ вообще доступны на землѣ. Это естественное стремленіе является могучимъ двигателемъ всякой творческой дѣятельности, закономъ для всѣхъ живыхъ организмовъ, безъ котораго жизнь должна была бы остановиться. А между тѣмъ, человѣческій геній непрерывно извлекаетъ изъ нѣдръ природы все новыя богатства, и эти сокровища только черезъ значительный промежутокъ времени, да и то не всегда, могутъ быть размножены въ количествѣ, достаточномъ для всеобщаго пользованія. Какъ бы высоко ни стояла культура, какими бы совершенными орудіями производства ни обладало человѣчество и сколько бы доброй воли ни прикладывалось къ тому, чтобы справедливо и равномерно распредѣлить эти богатства между всѣми, это физически невозможно. Слѣдовательно объектовъ вожделѣнія всегда останется достаточно, для возбужденія чувствъ зависти и вражды.

Для того, чтобы этого избѣгнуть, пришлось бы всякую творческую дѣятельность ограничить производствомъ тѣхъ цѣнностей, которыя по техническимъ условіямъ могутъ быть производимы въ любомъ количествѣ. Это было бы равносильно кастрированію духа, полной

остановкѣ всякаго прогресса. Это невозможно, а потому, въ своемъ естественномъ стремленіи къ улучшенію жизни, человѣкъ всегда будетъ стоять передъ великимъ соблазномъ: воспользоваться своими случайными индивидуальными преимуществами для захвата, внѣ очереди и права, тѣхъ или иныхъ цѣнностей.

Ясно, что для ограниченія своеволія есть только два пути: или принудить личность къ полному подчиненію интересамъ коллектива, или въ корнѣ измѣнить самую психологію личности, то есть создать совершенно новаго человѣка!

Первый путь ведетъ къ возстановленію того же, пылью вѣковъ покрытаго и кровью милліоновъ политаго и нынѣ существующаго, принудительно-карательнаго аппарата — власти и закона.

Хотя бы этимъ закономъ было даже и „священное право большинства“, это нисколько не умалитъ горечи тѣхъ, кто будетъ вынужденъ смирять подъ страхомъ наказанія. Въ результатѣ же и соціалистическій строй, созданный во имя братства, равенства и свободы, явится лишь новымъ видомъ тираніи, тираніи большинства. Эта тиранія будетъ тѣмъ болѣе ужасной, что въ роли деспота выступитъ всегда бездарное и отсталое большинство, толпа. Очевидно, что при этомъ совершенно неизбежно возникновеніе новыхъ кадровъ недовольныхъ, искренно чувствующихъ себя обиженными и экс-

плуатируемыми, готовыхъ на протестъ и бунтъ, вплоть до кровавыхъ революцій.

Что же касается возможности пересоздать самую психику человѣка, то надо признаться, что именно на этой утопіи и основаны всѣ надежды соціалистовъ. Они дѣйствительно полагаютъ, что къ моменту воцаренія соціалистическаго строя, подъ вліяніемъ измѣнившихся экономическихъ условій, душа человѣка совершенно переродится.

Съ точки зрѣнія узкаго матеріалиста, рассматривающаго человѣка, какъ производное экономическихъ отношеній, это упованіе, конечно, совершенно естественно. Но наука сурово противорѣчитъ такому упрощенному трактованію человѣческой личности цѣлымъ рядомъ неопровержимыхъ данныхъ, доказывая, что психика есть продуктъ многочисленныхъ, разнообразныхъ и почти неучитываемыхъ воздѣйствій.

Поэтому болѣе чѣмъ произвольно — думать, будто въ ходѣ экономического прогресса человѣческая душа окрасится именно въ духъ коллективизма и застынетъ въ этой формѣ навсегда. Съ гораздо большимъ основаніемъ можно предполагать, что будетъ нѣчто иное: очень возможно, что съ пріобрѣтеніемъ новыхъ знаній въ области законовъ міра и природы человѣка, съ уничтоженіемъ отживающей идеалистической морали и сведеніемъ всѣхъ помысловъ человѣка къ матеріально-

му благоустройству, человечество ожидаетъ радъ катастрофическихъ неожиданностей, вплоть, хотя бы, до захвата власти умственной аристократіей, вплоть до окончательнаго раздѣленія людей на господъ и рабовъ, на Элоевъ и Морлоковъ Уэльса.

Это тѣмъ болѣе возможно, что въ самой идеѣ соціальнаго равенства есть нѣчто, глубоко противное человеческой природѣ и враждебное жизни, какъ вѣчной борьбѣ и вѣчному движенію.

Поглощеніе личности коллективомъ есть ничто иное, какъ самое тяжкое духовное рабство. Личность, являющаяся на свѣтъ съ задатками самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ возможностей, неминуемо должна нивелироваться, ограничивая свои способности и стремленія узкимъ кругомъ общественныхъ нуждъ.

Соціализмъ налагаетъ страшныя оковы на всѣ творческія способности человѣка. Даже въ томъ случаѣ, если этотъ человѣкъ будетъ вождемъ и организаторомъ, онъ долженъ быть только слугой массы. Онъ обязанъ лишь предупреждать ея инстинктивныя стремленія, предугадывая и формулируя ея уже назрѣвшія потребности. Онъ можетъ выражать въ лучшемъ случаѣ то, что только смутно, но все же уже осознано массой. Если же движимый своимъ личнымъ творческимъ прозрѣніемъ онъ слишкомъ опередитъ толпу, то неминуемо оторвется отъ нея, станетъ ей непонятнымъ и чуждымъ, а, въ

концѣ концовъ, неминуемо будетъ признанъ врагомъ и свергнутъ. Чѣмъ выше взлетъ генія, тѣмъ больше разстояніе между нимъ и пониманіемъ толпы. Вождь соціалистическаго общества, если оно вообще потерпитъ вождя, можетъ превосходить толпу способностями, но не имѣетъ права превосходить ее понятіями. Онъ обязанъ или мыслить вульгарно, или вульгаризировать свои мысли, примѣняясь къ духовному уровню массъ. Все это несовмѣстимо съ самой природой генія, а потому въ идеальномъ соціалистическомъ строѣ геніальность не терпима. Она являлась бы тамъ какимъ-то смерчемъ въ застывшемъ болотѣ.

Самая идея всеобщаго уравниенія, проистекающая, якобы, изъ справедливаго права cadaго челоѣка на жизнь, если вдуматься въ нее, является глубокой несправедливостью и нарушеніемъ именно того самаго права, которое заложено въ ея основу.

Конечно, жизнь — лотерея, въ которой умъ, красота, талантъ, здоровье и сила — не болѣе, какъ случайности. Но и будучи чистой случайностью, они являются неотъемлемой, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, собственностью личности. Личность имѣетъ естественное и дѣйствительно-абсолютное право дорожить своими преимуществами и пользоваться ими.

Въ процессѣ жизни всѣ положительныя качества личности даютъ ей рядъ цѣнныхъ преимуществъ. При

торжествѣ же принципа уравненія правъ и обязанностей, всѣ эти преимущества отпадаютъ, ибо они ничего не даютъ. Нѣтъ никакой надобности обладать крыльями Пегаса, чтобы пахать землю подъ однимъ ярмомъ съ самымъ обыкновеннымъ осломъ. Поставить генія въ одинаковыя условія съ жалкой посредственностью, не есть ли это величайшее насиліе? Не есть ли это величайшая несправедливость?

Едва ли можно опредѣлить понятіе о справедливости точнѣе, чѣмъ какъ равноцѣнность даваемого и получаемого. Объективно творческая личность имѣетъ право на ту сумму благъ, которая равна пользѣ, приносимой ею.

Не надо никогда забывать, что ходячая фраза о „наслажденіи творчества“ есть простая глупость. Творчество — гораздо болѣе страданіе, чѣмъ наслажденіе, ибо требуетъ огромной затраты духовной энергіи. То пресловутое „наслажденіе“, о которомъ мы знаемъ, есть ничто иное, какъ экстазъ, крайняя степень нервнаго возбужденія, неминуемо ведущая къ тяжелой и болѣзненной реакціи.

Врядъ ли поэтому возможно говорить о справедливости такого общественнаго строя, въ которомъ трудъ самой исключительной личности оцѣнивается наравнѣ съ трудомъ жалкаго ремесленника, а умъ, по выраженію Минца, „цѣнится наравнѣ съ лопатой“.

Отсюда — или утрата всякаго импульса въ творческой дѣятельности и, слѣдовательно, жалкій конецъ человѣческаго прогресса, или постоянная мучительная борьба самодовлѣющей личности съ коллективомъ за свои, по-
пранныя идеей равенства, естественныя права.

Примиреніе логически невозможно. Какъ бы ни былъ гибокъ и растяжимъ общественный строй, личность, поскольку она личность, а не штампъ, всегда будетъ чувствовать себя угнетенной.

Поэтому соціалистическій рай, это пресловутое царство братства, равенства и свободы, не болѣе, какъ одна изъ тѣхъ иллюзій, которыми уже не разъ тѣшилось человѣчество въ своей страстной тоскѣ по лучшемъ будущемъ.

Но вожди соціалистической мысли не видятъ и не желаютъ видѣть иллюзорности своей идеи. Они не допускаютъ даже и мысли объ ошибкѣ въ своихъ расчетахъ, ибо путь безпристрастнаго анализа для нихъ закрытъ: они руководятся не чистымъ разумомъ, а своеобразнымъ религіознымъ чувствомъ.

XII

Безъ сомнѣнія, вожаки соціалистическаго движенія, охватившаго уже почти весь міръ, съ негодованіемъ, какъ величайшее оскорбленіе, отвергнуть всякое подозрѣніе въ томъ, что они дѣйствуютъ и мыслятъ въ состояніи религіознаго умоизступленія.

А между тѣмъ, эти крайніе матеріалисты, съ презрѣніемъ отворачивающіеся отъ всякаго Неба, проявляютъ всѣ признаки самаго грубаго религіознаго фанатизма.

Слѣдуетъ, конечно, до нѣкоторой степени отдѣлить соціализмъ, какъ политико-экономическую теорію, отъ дѣйствительнаго, дѣйствннаго соціалистическаго ученія, пропагандирующаго извѣстную программу жизнестроительства и творящаго свою новую мораль, въ которой самый возвышенный идеализмъ причудливо сплетенъ съ самымъ дикимъ изувѣрствомъ.

Великая загадка для психолога — это человѣческая душа, способная рѣшительно отвергнуть всѣ идеалистическія представленія о человѣкѣ и въ то же время исповѣдывать идеалы братства, равенства и свободы!

Чѣмъ характеризуется религіозный фанатизмъ? Вѣрою въ конечный идеалъ, въ стремленіи къ которому полагается весь смыслъ жизни; слѣпой убѣжденностью въ непогрѣшимости своей истины; страстнымъ отрицаніемъ какой бы то ни было иной правды; готовностью на любыя жертвы и самопожертвованіе; ненавистью ко всѣмъ, иначе мыслящимъ; рѣшимостью всѣми средствами, хотя бы огнемъ и мечемъ, способствовать торжеству своего идеала!

Поистинѣ, соціалистическіе вожди и пророки не уступаютъ самымъ крайнимъ изувѣрамъ. Они поднимаютъ кровавое знамя соціальной революціи, и хотя на этомъ знамени начертано „братство, равенство, свобода“, но на изнанкѣ его красной краской грубо наляпано: „да здравствуетъ классовая ненависть, диктатура и терроръ!“

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если признать, что мы имѣемъ дѣло именно съ новымъ религіознымъ движеніемъ. Исторія повторяется если не въ фактахъ, то въ духѣ: вѣдь и крестовые походы и великолѣпные ауто-дафе святѣйшей инквизиціи совершались подъ знакомъ креста и любви къ ближнему.

Необходимо подчеркнуть, что въ этомъ изувѣрствѣ повинны не только крайніе элементы соціалистическаго движенія. Нѣтъ, каждый, кто въ основу своего ученія кладетъ не миръ, а борьбу, отвѣтствененъ за всѣ тѣ формы, которыя эта борьба можетъ принять въ своемъ раз-

витіи. Сѣющіе сѣмена вражды должны знати, что „кто сѣетъ вѣтеръ, пожинаетъ бурю“.

Борьба есть борьба. Въ ней всѣ приемы и средства обусловливаются характеромъ и силой сопротивленія. Разъ вступивъ на путь прямого дѣйствія, нельзя колебаться въ выборѣ оружія, ибо такое колебаніе неминуемо поведетъ къ пораженію. Крайніе элементы суть только передовые бойцы, наиболѣе рѣшительные и послѣдовательные. Тотъ, кто выбросивъ знамя борьбы, вполнѣдствіи станетъ отрекаться отъ жестокихъ крайностей ея проявленія, будетъ подобенъ полководцу, который, пославъ въ бой своихъ солдатъ, потомъ съ ужасомъ и отвращеніемъ станетъ озирати поле сраженія, покрытое кровью и трупами, возмущаясь жестокостью своихъ воиновъ! Это лицемѣріе, ибо борьба безъ жертвъ и жестокости есть такая же нелѣпость, какъ битва безъ крови. Зажигая факелъ всемірної соціальной революціи, надо знати, что такое пожаръ!

Чѣмъ глубже увѣренность въ правотѣ своей идеи, тѣмъ интенсивнѣе стремленіе къ побѣдѣ и безпощаднѣе борьба.

Всякое соціально-политическое ученіе, поскольку оно переходитъ въ программу дѣйствія, не можетъ быть проявленіемъ только холодно-разсудочнаго анализа историческаго процесса. Отъ „матеріалистическаго пониманія исторіи“ до проповѣди мірового переворота, во что

бы то ни стало, — дистанція огромнаго размѣра. Одного констатированія факта, что „человѣчество идетъ къ соціализму и должно къ нему притти“, еще слишкомъ недостаточно, чтобы звать на кровавую борьбу съ готовностью на величайшія жертвы. Для этого необходимо какое-то внутреннее чувство, экстазъ, непоколебимая вѣра. Вѣра не только въ то, что истина есть истина, но и въ то, что въ сравненіи съ ея конечнымъ торжествомъ все остальное ничтожно.

Какъ въ основу многихъ религіозныхъ культовъ заложено чисто-философское ученіе, такъ и соціалистическое движеніе зиждется на болѣе или менѣ научныхъ основаніяхъ, но, чтобы знаніе стало ученіемъ, необходимо, чтобы оно перешло въ чувство, въ вѣру, въ религію.

И въ лицѣ современнаго соціалистическаго движенія мы, очевидно, имѣемъ дѣло не съ историко-научнымъ теченіемъ въ области мысли, а съ новой религіей, идущей отъ непосредственнаго и фанатическаго чувства.

Этой новой религіи суждено играть въ жизни человѣчества колоссальную роль, на время или, быть можетъ, навсегда замѣнивъ обветшалые идеалы христіанства.

Всякій религіозный культъ основывается на вѣрѣ въ то, что реальная жизнь есть ничто иное, какъ только преддверіе какой-то иной, настоящей и лучшей жизни, въ цѣляхъ достиженія которой люди должны подчинить

всѣ свои помыслы и дѣйствія суровому и требовательному нравственному закону.

Соціалистическое ученіе, какъ и самая грубая изъ религій прошлаго, основана на вѣрѣ въ невидимый и разумомъ непостижимый міръ. И это съ моей стороны не шутка, ибо будущее царство соціалистическаго братства и равенства ничуть не реальнѣе, чѣмъ загробная жизнь.

Если примитивное религіозное міросозерцаніе требовало отъ человѣка жертвъ во имя загробнаго, но все же личнаго блаженства, то соціалистическая религія идетъ гораздо дальше, требуя отъ милліоновъ живыхъ людей совершенно безкорыстныхъ жертвъ во имя счастья какихъ-то невѣдомыхъ никому на свѣтѣ потомковъ.

Различіе между мечтами о раѣ небесномъ и раѣ земномъ, по существу, не такъ важно, какъ кажется. Царство соціализма такъ же находится за предѣлами дѣйствительности, какъ и загробная жизнь. Дѣло не въ томъ, насколько осуществимъ идеаль въ далекомъ будущемъ, а въ томъ, насколько этотъ идеаль дѣйствительно связанъ съ настоящимъ моментомъ. И религія, утверждающая безсмертіе души, ближе стоитъ къ человѣку, къ его внутреннему чувству, чѣмъ соціалистическій идеаль. Допустимъ, что никакого безсмертія души нѣтъ, а соціалистическій строй водворится непременно, и это нисколько не измѣнитъ дѣла. Для вѣрующаго человѣка самая вѣра въ безсмертіе уже есть частица

безсмертія, для ученія же матеріалистическаго, признающаго полное уничтоженіе человѣка съ его смертію, нѣтъ никакой возможности установить моральную связь между его личностью и судьбою слѣдующихъ поколѣній.

Правда, въ борьбѣ за социализмъ не малую роль играютъ и кое-какія реальныя завоеванія настоящаго момента, но это нисколько не мѣняетъ религіозно-идеалистическаго отношенія правовѣрнаго социалиста къ его конечной цѣли: съ его точки зрѣнія, всѣ эти завоеванія, въ концѣ концовъ, не важны и второстепенны въ сравненіи съ идеаломъ, хотя именно ими и объясняется та легкость, съ какою примыкаютъ къ этому ученію широкія народныя массы.

Этимъ массамъ, безъ сомнѣнія, чужды и непонятны идеалы социализма въ ихъ конечномъ осуществленіи. Захватъ тѣхъ или иныхъ реальныхъ цѣнностей, знаменитое „грабъ награбленное“ для нихъ несравненно важнѣе, чѣмъ туманныя мечты о грядущемъ царствѣ братства, равенства и свободы.

Толпа всегда толпа, и не въ состояніи она подняться выше своей собственной, маленькой пользы. Но истинный социалистическій вождь и долженъ смотрѣть на эту грубую массу, какъ вдохновенный миссіонеръ смотритъ на толпу жалкихъ дикарей, принимающихъ крещеніе только для того, чтобы получить новую рубашку. Задача социалиста именно въ томъ и состоитъ, чтобы

застави́тъ этихъ дикарей отказаться отъ шкурныхъ интересовъ и воспитать въ нихъ готовность на самопожертвованіе во имя идеала общаго блага.

Въ худшемъ случаѣ, конечно, можно терроризировать эту толпу дикихъ, можно ихъ заставить жертвовать собой, но въ такомъ случаѣ самъ вождь долженъ быть идеалистомъ и вѣрить и стремиться къ идеалу, воплощать въ себѣ самомъ все, повторяя крестный путь Христа, принявшаго на себя грѣхъ всего міра.

Иначе онъ будетъ лицемѣромъ и политическимъ мошенникомъ, сводящимъ на нѣтъ весь смыслъ, всю правду своего движенія.

XIII

Вдумываясь въ духовную сущность этой новой религіи, если только она имѣетъ духовную сущность, чувствуешь, какъ въ памяти пробуждается что-то давно и основательно позабытое, какая-то наивная дѣтская легенда.

Ба, да не есть ли это давно предсказанное пришествіе Антихриста?

Современному человѣку, конечно, не къ лицу толковать о пророчествахъ и возиться съ библейскими текстами, но сравненіе напрашивается само собою и имѣетъ глубокой внутренней смыслъ.

Хотя, что же, легенда остается легендой, но, въ сущности говоря, вовсе не надо было быть пророкомъ и питаться божественными откровеніями, чтобы съ достаточной увѣренностью предсказать, что рано или поздно на смѣну христіанству придетъ какая-то новая религія.

Историческій опытъ показываетъ, что новое религиозное ученіе возникаетъ изъ обломковъ стараго. Въ большинствѣ случаевъ это не болѣе, какъ реформація — простая перестройка обветшавшаго и загрязненнаго хра-

ма. Но бываютъ моменты, когда развившееся сознание настолько противорѣчитъ старымъ догмамъ, что реформація становится недостаточной и назрѣваетъ необходимость разрыва съ прошлымъ, полного и коренного переворота. Тогда возникаетъ религія, по духу прямо-противоположная устарѣлымъ догмамъ.

Однако человѣчество въ массѣ своей всегда консервативно и цѣпко держится за свои вѣрованія. Поэтому новая религія только тогда можетъ рассчитывать на популярность, когда она, хотя бы только внѣшне, сохранитъ связь съ старыми, добрыми, привычными идеалами.

Истинный мудрецъ, безстрастно наблюдавшій побѣдоносное шествіе христіанства по лицу земли, могъ бы предвидѣть не только его паденіе и возникновеніе на его обломкахъ новой религіи, но могъ бы предвидѣть и духовную противоположность этой религіи ученію Христа.

Въ той смѣнѣ христіанства религіей социализма, которая совершается на нашихъ глазахъ такъ же быстро, какъ нѣкогда христіанство распространялось въ языческомъ мірѣ, новозавѣтное пророчество оправдалось въ полной мѣрѣ потому, что оно и не могло не оправдаться.

Религія не существуетъ сама по себѣ, какъ самоцѣль. Человѣчество нуждается въ ней, чтобы питать ею свою вѣковѣчную мечту о лучшемъ будущемъ.

Двѣ тысячи лѣтъ эту трудную задачу выполняло христіанство. Но религія Христа имѣла два роковыхъ недо-

статка, въ которыхъ уже съ самаго начала можно было угадать причину ея гибели: она отодвигала осуществленіе мечты о лучшей жизни въ туманную даль загробнаго міра, а путь къ ней прокладывала сквозь тернія аскетическаго закона, отрицающаго всѣ земныя радости.

Проходили вѣка, исчезали поколѣнія, а никто не вернулся „оттуда“, чтобы свидѣтельствовать не лжно о загробномъ блаженствѣ. Мало по малу ослабѣла вѣра и углубились роковыя сомнѣнія. А въ то же время лукавые и слабые духомъ старались примирить жизнь съ суровыми требованіями закона. Компромиссы, ложь и лицемеріе постепенно пропитывали чистое зданіе храма Христова и, наконецъ, обратили его въ гробъ поваленный, полный всяческой мерзости. Религія Христова, въ видѣ мертвой громады официальной церковности и ложнаго благочестія, не только перестала служить утѣшеніемъ страждущему человѣчеству, но начала и давить его, какъ злокачественный наростъ. Безглазый черепъ атеизма поднялся надъ землею, и въ концѣ XIX-го вѣка былъ моментъ, когда казалось, что человѣчество неудержимо устремилось въ пропасть полного безвѣрія и безнадежности.

Но люди не могутъ жить безъ надежды и вѣры. Въ сумеркахъ христіанства забрезжила новая заря.

Если невыносимо стало жить, возлагая всѣ упованія только на смерть и вѣчно мечтая о томъ, „чего никто не

видѣлъ нигдѣ“, то нужно было перенести свои надежды съ неба на землю. И если невыносимо стало вѣчно бороться съ самимъ собою или вѣчно лицемерить, то необходимо было найти идеалъ, который не противорѣчилъ бы природѣ человѣка, не шелъ въ разрѣзъ съ требованіями дѣйствительности.

Эта задача блестяще разрѣшилась въ социалистическомъ ученіи, ибо оно передвинуло рай съ неба на землю, а идеалъ духовнаго блаженства подмѣнило идеаломъ матеріальнаго благополучія.

Но не надо забывать, что христіанство дало человѣку завѣтъ такой нравственной красоты, которую ни превзойти, ни отвергнуть уже невозможно. Современное человѣчество могло заниматься жесточайшей эксплуатацией, устраивать кровопролитнѣйшія войны, строить тюрьмы, эшафоты и публичные дома, но игнорировать завѣтъ любви къ ближнему — на это смѣлости не хватить ни у кого. Онъ настолько вошелъ въ сознаніе лучшей части человѣческаго общества, что внѣ его надолго, а быть можетъ и навсегда, немыслимо никакое совершенствованіе человѣческаго общества.

И новая религія бережно сохранила этотъ завѣтъ, ибо братство, равенство социалистическаго братства не есть ли воплощеніе любви къ ближнему.

Потому за новымъ ученіемъ пошли не только низы человѣчества, примкнувшіе къ движенію во имя са-

мыхъ грубыхъ шкурныхъ интересовъ, но и его верхи, соль земли, та самая свободомыслящая интеллигенція, которая, хотя и „отвергла Христа“, но въ сущности всегда шла за Нимъ, весь смыслъ своей жизни полагая въ служеніи идеѣ всечеловѣческаго братства.

Такъ, какъ будто бы, исполнилась первая часть пророчества, о томъ, что „Антихристъ“ придетъ съ ученіемъ, по внѣшности столь сходнымъ съ ученіемъ Христа, что „многіе соблазнятся“.

Но сходство идеаловъ христіанства и идеаловъ соціализма есть лишь мнимое сходство, способное обмануть только тѣхъ, кто не въ состояніи вдуматься въ сущность вещей.

Братство христіанское и братство соціалистическое не имѣютъ между собою ничего общаго. Первое основано на единеніи по духу, внѣ и даже хотя бы вопреки матеріальнымъ интересамъ, тогда какъ второе опирается просто на взаимную выгоду. Путь къ христіанскому идеалу лежитъ „изнутри“, черезъ внутреннее совершенствованіе, путь же къ соціалистическому раю идетъ „извнѣ“, черезъ уравниеніе житейскихъ благъ.

Соціализмъ — смертельный врагъ ученія Христа. Онъ весь построенъ на грубо-эгоистическихъ стремленіяхъ, ставя взаимоотношеніе людей въ прямую зависимость отъ того, насколько они проявятъ готовность къ равномѣрному дѣлежу своихъ богатствъ.

Заповѣдь новаго завѣта гласила:

— Ищите прежде царствія Божія, а все остальное приложится вамъ!

Соціализмъ даетъ человѣчеству заповѣдь новую:

— Ищите прежде всего остального, а царствіе Божіе приложится!

И если Христосъ кротко молилъ:

— Любите враговъ своихъ!

То соціализмъ твердо и жестоко провозгласилъ:

— Кто не съ нами, тотъ врагъ!

И если братство, „царствіе Божіе“, основанное на высокомъ духовномъ совершенствѣ, не было вѣчно и непоколебимо, то шатка и непрочна основа справедливаго дѣлежа добычи. При такой основѣ взаимоотношеній, человѣчество неминуемо должно быть ввергнуто въ жесточайшую борьбу.

Освободить человѣческую личность отъ всякихъ обязательствъ личнаго нравственнаго совершенствованія и направить всѣ ея помыслы въ сторону матеріальнаго равенства, не есть ли это путь къ культу всеобщей и непримиримой борьбы?

Если въ человѣческомъ обществѣ окончательно погаснетъ послѣдній отблескъ ученія Христова, если восторжествуетъ „религія Антихриста“ и грубое матеріалистическое ученіе соціализма проникнетъ сознание человѣческое до конца, то между людьми уничтожится

всякая внутренняя связь, и тогда исполнится вторая часть пророчества: „и возстанетъ братъ на брата, и дѣти на отца своего“.

Ибо кто и что заставитъ тогда человѣка, всѣ помыслы котораго направлены на матеріальные блага жизни, ограничить свои аппетиты, обуздать свои страсти и отказаться отъ использованія своихъ личныхъ преимуществъ въ борьбѣ?

XIV

Въ концѣ концовъ, всѣ религіозныя ученія постигаютъ одна и та же участь: въ періодъ гоненій, когда приверженцы новой вѣры терпятъ лишенія и рискуютъ жизнью, ихъ духовный подъемъ достигаетъ огромной высоты, а идеалы ихъ витаютъ надъ дѣйствительностью, какъ бы въ самомъ дѣлѣ осіянные какимъ-то небеснымъ свѣтомъ. Но стоитъ только свѣтильнику вѣры выйти изъ-подъ спуда, стоитъ религіи завладѣть правами главенствующей церкви, какъ тотчасъ же она обращается въ гробъ поваленный, полный нечистотъ и всяческой мерзости.

Словно какой-то дьяволъ желаетъ еще и еще разъ доказать человѣку, что, какъ бы высоко ни взлеталъ онъ въ мечтахъ своихъ, въ концѣ концовъ, непременно шлепнется въ грязь!

Разительнѣйшимъ примѣромъ такого паденія служитъ христіанство. Оно дѣйствительно подняло человѣчество на такую нравственную высоту, какой оно еще никогда не достигало. Благодаря этому возникло даже убѣжденіе, что когда христіанство завладѣетъ всѣмъ міромъ, то и

самая миссія челоѣчества будетъ закончена. И однако, съ непостижимой быстротой овладѣвъ умами и точно распространившись по всему свѣту, въ качествѣ морально главенствующей религіи, христіанство такъ же стремительно выродилось въ офиціальную церковь, не чуждую самага грубаго идолопоклонства. Внѣшнее благочестіе, мертвящее ханжество и гнусное изувѣрство свили себѣ теплое гнѣздышко подъ куполомъ христіанскаго храма. Христось, выгнавшій изъ храма торжниковъ, обратившихъ домъ молитвы въ вертепъ разбойниковъ, съ ужасомъ отшатнулся бы отъ современной христіанской церкви, въ которой благополучно возвратившіеся торжники дружно уживаются съ палачами, побратски дѣля межъ собой лепту бѣдной, но въ достаточной мѣрѣ глупой вдовы.

Еще ни одна религія не доходила до такого цинизма, чтобы сдѣлать орудіемъ угнетенія и предметомъ торговли завѣты всепрощенія и безкорыстія!

Впрочемъ, такъ и должно быть, ибо чѣмъ выше идеалъ, тѣмъ глубже его паденіе.

Мрачное іудейство или воинствующій исламъ не могли пасть такъ низко, ибо не залетали такъ высоко. Внутренній смыслъ этихъ ученій не превышалъ нравственнаго уровня челоѣческой массы. Христіанскій же идеалъ горѣлъ, какъ звѣзда утренняя, высоко надъ

житейскимъ болотомъ глупости, невѣжества, жестокости, жадности и пошлости толпы.

Именно для того, чтобы популяризировать идею и сдѣлать ее понятной для духовно-ничтожнаго большинства, преемники Іисуса должны были низвести его ученіе до уровня общаго пониманія.

Массы жестоки — церковь стала воинствующей, благословляющей крестовые походы, устраивающей гоненія и терзанія. Массы косны и консервативны — церковь застыла въ мертвыхъ догмахъ и канонахъ, какъ ересь преслѣдуя всякую живую, свободную мысль. Массы грубы — церковь изгнала изъ жизни языческую радость и красоту. Массы раболѣпны — церковь создала пышную духовную іерархію и благословило власть. Массы тщеславны и любопытны — церковь настроила великолѣпныхъ храмовъ, создала пышные обряды. Массы дики и глупы — церковь дала имъ фетиши, кресты, иконы, мощи, хоругви, колокола, кадильный дымъ и прочую мишуру, прельщающую дикарей и замѣняющую имъ недоступный темному сознанію нравственный смыслъ религіи.

Официально христіанство еще живо... Цѣлые народы именуютъ себя христіанскими, патріархи все еще считаются духовными руководителями, храмы пышны, богослуженія великолѣпны. Но подъ знакомъ крестнаго страданія и любви къ ближнему царитъ безпримѣрное

и наглое лицемѣріе: христiанскіе народы ведутъ между собою кровавыя войны, служители Бога стали чиновниками духовнаго департамента, въ храмѣ духа царитъ мертвый фетишизмъ. Если кое-гдѣ еще и лепечутъ о Христѣ, то это не идетъ далѣе простаго словоблудiя. Весь строй жизни противорѣчитъ самымъ основамъ Христова ученiя, и связь христiанства съ народными массами держится всецѣло на грубомъ суевѣрiи.

Слово Христа осталось только словомъ, не претворившись въ дѣло.

Да и какъ могло быть иначе, если всѣ условiя борьбы за существованіе и самая природа человѣка противятся тѣмъ высокимъ нравственнымъ требованiямъ, которые ставитъ передъ человѣкомъ идеалъ? Жизнь есть борьба, а борьба немыслима безъ побѣдителя и побѣжденнаго, безъ торжествующаго и страдающаго. Отказъ же отъ борьбы есть отказъ отъ тѣхъ свойствъ, которые органически свойственны человѣку и въ которыхъ залогъ непрерывнаго развитiя жизни.

Всякое религіозное ученіе создаетъ свой идеалъ. Безъ идеала религія — ничто. Создавая же идеалъ, она тѣмъ самымъ отходитъ отъ дѣйствительности, за что жизнь и мститъ беспощаднымъ крушеніемъ всѣхъ упованiй.

Если социализму когда нибудь суждено побѣдить міръ, его постигнетъ та же печальная участь. Офи-

ціально людство буде жити в соціалістическомъ строѣ, подъ знакомъ братства, равенства и свободы, а за этими пышными декораціями буде процвітати сама своєкорыстна и безпощадна боротьба за личное благо.

Великолѣпные лозунги остануться внѣшними признаками новой религії, какъ любовь къ ближнему осталась внѣшнимъ знакомъ христіанства, а подъ этимъ величественнымъ куполомъ воцарится та же мерзость запустѣнія. Офіціальное равенство явится новымъ оружіемъ въ рукахъ правящихъ группъ для удержанія массъ въ повиновеніи, а за спиною братства образуется новая каста — каста привилегированныхъ спеціалистовъ-организаторовъ, которые будутъ свирѣпо охранять свои права и преимущества отъ покушенія толпы, на основаніи, якобы, своей особенной полезности для общественного порядка.

Какъ нынѣ христіанскіе священнослужители кощунственно благословляютъ оружіе „христолубиваго воинства“, идущаго на уничтоженіе своихъ братьевъ по Христу, такъ и соціалістическіе вожди будутъ вынуждены создавать грозныя арміи и для братьевъ-соціалистовъ.

Какъ единое Христово ученіе, въ толкованіи и бездарныхъ и низкихъ духомъ, раздробилось на множество догматическихъ теченій, питающихъ другъ къ другу

большую ненависть, чѣмъ даже къ язычникамъ, такъ и социализмъ неминуемо разобьется на цѣлый рядъ ученій, съ различной тактикой и различными программами. Постыдная картина войнъ между христіанскими народами смѣнится не менѣе постыдной грызней социалистическихъ общинъ.

Для доказательства этого положенія даже не нужно указывать на то дробленіе социалистическихъ партій, которое существуетъ уже и нынѣ и кипитъ такой ненавистью.

Это логически неизбежно, ибо — разъ весь смыслъ жизни и всѣ законы ея будутъ низведены до справедливаго распредѣленія труда и его продуктовъ, то каждый человѣкъ, оставивъ для параднаго употребленія лозунгъ братства, будетъ напряженно заинтересованъ только въ сохраненіи равенства въ правѣ на жизненные блага.

Какъ каждый отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлыя группы людей, разъединенныхъ природными условіями быта, будутъ поглощены той же заботой, а потому естественныя богатства той или иной части свѣта явятся предметомъ завистливаго вожделѣнія и яблокомъ раздора.

Тяжесть труда и количество добываемыхъ продуктовъ не могутъ быть равны для всѣхъ странъ, благодаря ихъ климатическимъ и геологическимъ особенно-

стямъ, что неминуемо и возбудить совершенно справедливое сомнѣніе въ правильности равномернаго распредѣленія труда и продуктовъ. Группы, не столь обеспеченныя естественными богатствами и болѣе отягченныя условіями труда, явятся „законными“ претендентами на долю всѣхъ благъ, добываемыхъ по лицу земли.

Для того же, чтобы удовлетворить ихъ претензіи, обладатели болѣе счастливыхъ условій будутъ вынуждены соотвѣтственно и безкорыстно повысить свою производительность, а слѣдовательно и принять на себя лишнія тяготы труда. То же самое, конечно, будетъ наблюдаться и въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности. Въ награду за эти жертвы они получаютъ или очень мало или ничего; ибо другимъ нечего будетъ предложить имъ въ обмѣнъ. А между тѣмъ это самопожертвованіе не будетъ уже оправдываться никакими нравственными соображеніями, ибо нравственнымъ соображеніямъ нѣтъ мѣста въ психикѣ общества, основаннаго исключительно на матеріалистическихъ положеніяхъ. Поэтому принудительное уравненіе, со всѣми своими аппаратами власти, закона и кары, явится неизбежной необходимостью, послуживъ къ возбужденію недовольства, протестовъ, вражды и борьбы. И соціалистическій строй окажется лишь новой иллюзіей, въ безконечной смѣнѣ вѣчныхъ миражей, которыми, въ погонѣ за лучшимъ будущимъ, тѣшится человѣчество изъ вѣка въ вѣкъ!

XV

Но не это страшно. Пусть миражъ, пусть призракъ, лишь бы жить и надѣяться, ибо безъ надежды жить невозможно.

Не все ли едино, чѣмъ питается это робкое чувство? Философскія гипотезы, религіозныя бредни, научныя умозаключенія, не все ли равно?

Страшно то, что мысль человѣческая явно бьется въ заколдованномъ кругу одной и той же идеи: найти такого Бога, которому можно было бы принести въ жертву живого человѣка.

Долгіе вѣка такимъ Богомъ былъ грозный и нестижимый Саваоѳъ, сидящій гдѣ-то на небѣ и творящій судъ и расправу надъ бѣдными, рѣшительно ни въ чемъ, кромѣ своего рожденія, неповинными людьми. Во имя этого Бога творилось столько жестокостей, такъ уродовалась жизнь, что объ этомъ стыдно и больно вспоминать. Исторія религій, поистинѣ, кровавая лѣтопись! Человѣкъ носилъ позорную кличку „раба Божія“, и съ нимъ считались меньше, чѣмъ съ подлиннымъ рабомъ,

безжалостно угнетая и тѣло, и душу его, во имя чего-то, „чего никто же не видѣлъ нигдѣ же“.

Нынѣ старый Богъ умираетъ, ибо вѣрятъ больше въ Мечниковскую простоквашу, чѣмъ въ безсмертіе.

Но, увы, духовной свободы человѣкъ все же не добился. На мѣсто стараго Бога немедленно воздвигается новый алтарь. Грядетъ новый Господинъ, не менѣе требовательный и жестокій.

Имя этому Богу, этому Господину — Человѣчество.

Не человѣкъ, не личность, не живой духъ, а слѣпое и тупое большинство человѣческое, толпа, масса.

И снова льется живая кровь, снова приносятся безчисленные жертвы, снова далекіе призраки влекутъ за собою человѣка, заставляя его забывать свои права на непосредственныя радости жизни. По-прежнему несчастенъ, глупъ и озлобленъ человѣкъ!

З а к л ю ч е н і е.

Человѣчество!

Существуетъ ли другое столь пустое и лживое понятіе?

Это слово употребляется не только для наименованія извѣстной породы двуногихъ, но и для объединенія всѣхъ неисчислимыхъ представителей этого вида въ какой-то общей духовной сущности.

Понятіе о Человѣчествѣ охватываетъ и пророка и пьянаго илота, и кретина и мудреца, и творца и ремесленника, и вождя и раба, и просвѣщеннаго европейца конца XX-го столѣтія и троглодита доисторической эпохи.

По отношенію къ другимъ родамъ и видамъ животнаго царства нѣтъ такого законченно - объединяющаго понятія. Звѣри, птицы, амфибіи и насѣкомыя въ нашемъ представленіи никогда такъ глубоко и широко не объединяются, какъ люди.

А между тѣмъ, именно этотъ родъ отличается такимъ разнообразіемъ индивидуальныхъ чертъ, что духовная разница между львомъ и лягушкой, слономъ и мухой, райской птицей и птеродактилемъ никогда не была такъ велика, какъ между двумя людьми одной эпохи, расы и даже семьи.

Несмотря на великое свойство, — способность къ установленію общихъ понятій, — которымъ природа наградила человѣка, никакія другія животныя не способны на такое глубокое взаимное непониманіе, какое возможно среди людей.

Скала подъема и паденія человѣческаго духа неимоверно велика. Если человѣкъ способенъ возвышаться до чистаго творчества и проникновенія въ глубочайшія тайны мірозданія, то онъ же способенъ дойти до такой

глупости, до такой жестокой нелѣпости, на которыя конечно, не способно ни одно животное.

Для самаго ничтожнѣйшаго изъ насѣкомыхъ всегда ясна его ближайшая цѣль, его естественная польза. Всѣ его дѣйствія гармонируютъ съ его дѣйствительными потребностями. Въ кругу его жизни, хотя бы и ограниченномъ, все ясно, просто, цѣлесообразно и мудро. Только человѣкъ способенъ изъ всѣхъ путей къ цѣли выбрать самый дальній и такъ запутаться въ своихъ собственныхъ понятіяхъ и представленіяхъ, чтобы искренно повѣрить, будто во злѣ можетъ быть добро, а въ смерти жизнь.

До какой степени можетъ быть глупъ человѣкъ, этого даже и представить себѣ невозможно. И глупъ не ограниченностью способности и пониманія, а полнымъ извращеніемъ своихъ собственныхъ чувствъ и желаній. Все на свѣтѣ имѣетъ свой предѣлъ, только глупость человѣческая, кажется, безгранична.

Люди показали чудеса идиотизма! Какія же другія существа пользовались именно разумомъ для созданія и оправданія такихъ нелѣпостей, какими изукрашена вся исторія человѣчества?.. Чего только не выдумывали люди, чтобы въ конецъ испортить свое существованіе!

Послѣдняя кошка не повѣрила бы въ необходимость крестоваго похода, самый глупый оселъ не преклонится

передъ наслѣдственнымъ титуломъ, а такія вещи, какъ патріотизмъ, чувство долга и любовь къ дальнему, вызвали бы гомерическій хохотъ у любого четвероногого.

Берне сказалъ, что вся исторія человѣчества есть исторія человѣческой глупости.

Было бы справедливѣе сказать: исторія борьбы съ человѣческой глупостью, ибо наряду съ массовымъ идиотизмомъ сверкали же такія молніи разума, что онѣ освѣщали жизнь на многія столѣтія впередъ и проникали въ безграничныя пространства вселенной.

Многіе думаютъ, что этого совершенно достаточно, чтобы человѣчество имѣло право гордиться собою, но одному Богу извѣстно, на какомъ основаніи человѣческая масса приписываетъ себѣ заслуги генія.

Гейне сказалъ: „не всѣ нѣмцы выдумали порохъ, но одинъ нѣмецъ выдумалъ его. А всѣ нѣмцы не выдумали пороха!..“

И не только не выдумали, но эти всѣ человѣческіе „нѣмцы“ только и дѣлали, что мѣшали выдумать порохъ. Они бѣшено боролись противъ всякаго новшества, усердно преслѣдовали всякую свободную мысль и добросовѣстно побивали камнями своихъ пророковъ, очевидно принимая ихъ за ядовитыхъ гадовъ.

Увы, если человѣчество и выдвигало изъ своей среды истинныхъ мудрецовъ, то ужъ самый фактъ этого

„выдвиганія изъ среды“ показываетъ, что сама по себѣ среда далеко не стоитъ въ уровень съ мудростью.

Мы всѣ знаемъ, конечно, что на свѣтѣ глупыхъ больше, чѣмъ умныхъ, но врядъ ли кому нибудь приходило въ голову отдать себѣ точный отчетъ въ процентномъ соотношеніи умныхъ къ глупымъ.

Сочтите имена, которыя исторія по справедливости занесла на свои скрижали, и представьте себѣ ту неисчислимую, безликую и безмозглую массу, которая беременила и унаваживала землю, не доставляя своему Создателю ничего, кромѣ конфуза!

Тогда вамъ станетъ понятно, почему такъ медленно и трудно развивается человѣчество, почему въ его исторіи столько крови и гнусностей. Какъ могло быть иначе когда одинъ творческій умъ приходится на десятки-сотни милліардовъ глупцовъ и бездарностей.

Есть, отчего притти въ отчаяніе! Вѣдь масса все-таки сильнѣе единицы, и хотя одна великая мысль способна перевернуть жизнь милліоновъ поколѣній, но метатели бисера передъ свиньями всегда рискуютъ быть раздавленными.

Какихъ душевныхъ мукъ и какой колоссальной затраты энергіи стоитъ мудрецу сомнительная побѣда надъ косностью, невѣжествомъ и глупостью массъ! Неся свой свѣтильникъ, ему приходится гораздо больше силъ затратить на то, чтобы уберечь его отъ милліоновъ кре-

тинскихъ ртовъ, которые со всѣхъ сторонъ стараются задуть его, чѣмъ для того, чтобы возжечь свѣтлѣе!

Можно съ увѣренностью сказать, что, если бы человечество вмѣсто того, чтобы преслѣдовать и истреблять своихъ пророковъ, окружало бы ихъ тѣми заботами и вниманіемъ, которыхъ они заслуживаютъ, вся земля уже давно превратилась бы въ цвѣтущій садъ, а войны, революціи и эксплуатація отошли бы въ область преданія.

Но этого не было и быть не могло, ибо, какъ бы высоко ни подымался общій культурный уровень массы, между нею и геніально одаренными одиночками всегда будетъ лежать пропасть непониманія. Быть можетъ, когда нибудь масса достигнетъ дѣйствительно высокаго уровня развитія, и рядовые ея члены будутъ съ усмѣшкой смотрѣть на нашихъ Сократовъ и Галлилсеевъ, но у нихъ будутъ тогда свои Сократы и Галлилеи. Ибо если вороны научатся летать по орлиному, то орлы взлетятъ еще выше!

Человѣчество, — вѣрнѣе: ослиное, свиное, обезьянье и волчье стадо — гордо и сильно своею численностью.

Чѣмъ больше оно дрессируется, тѣмъ больше проникается сознаниемъ своей стадной силы. Съ каждымъ шагомъ по пути культуры и цивилизаціи, оно не только не проникается смиреннымъ сознаниемъ своей бездарности, но, напротивъ, преисполняется все большимъ

самомиѣніемъ, все громче заявляетъ о своихъ правахъ — священныхъ правахъ большинства!..

И вотъ, въ наше время эти права стали общепризнанными, и человѣческая масса мечтаетъ уже о власти. Какъ законъ жизни провозглашается равенство, толпа лѣзетъ на пьедесталъ, мнитъ себя богомъ, на алтарѣ котораго надо приносить жертвы.

Ея идеалъ, чтобы строптивый геній сталъ не вождемъ, а слугой толпы.

Врядъ ли этого удастся достигнуть, ибо природа генія непримирима, но если бы — да, то это ужъ конечно будетъ величайшимъ торжествомъ глупости и бездарности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ человѣческаго прогресса.

Это тѣмъ болѣе печально, что глупость и бездарность въ самихъ себѣ носятъ свое наказаніе: они есть лучшій факторъ разрушенія и бѣдъ.

Чѣмъ больше растетъ сила толпы, тѣмъ ниже цѣнность генія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнность человѣческой личности вообще. Толпа подавляетъ личность, превращая ее въ орудіе и матеріалъ, безжалостно и бессмысленно уродуя.

Можетъ быть, отъ этого выигрываетъ Человѣчество?.. Но человѣчества нѣтъ. Человѣчество это призракъ, фикція. Существуютъ милліоны отдѣльныхъ живыхъ людей, изъ которыхъ каждый болѣетъ своей

болью, страдаетъ своими страданіями и умираетъ своею смертью.

Какой страшной, бездушной машиной, перемалывающей всѣ жизни въ людскую пыль, будетъ тотъ грядущій строй, въ которомъ безраздѣльно воцарится власть массы. Въ этой міровой штамповальнѣ человѣкъ будетъ ничтожнѣе и несчастнѣе, чѣмъ онъ былъ во время всемірнаго потопа. Пусть и тогда никому не было спасенья, пусть милліоны обезумѣвшихъ отъ ужаса людей сталкивали другъ друга въ волны, били и топтали, и въ концѣ концовъ, всѣ погибли, но все-таки каждый изъ нихъ боролся и надѣялся до послѣдняго мгновенія.

Въ тягучей ровной трясинѣ коллективнаго болота не будетъ и не должно быть борьбы, но зато не будетъ и никакой надежды.

Да минуетъ людей чаша сія.

Среди заботъ и тревогъ личной жизни, мысль моя часто и до страданія напряженно устремляется въ туманную даль будущаго, стремясь приподнять уголокъ роковой завѣсы, скрывающей судьбы человѣческія.

Будетъ ли когда нибудь счастливъ и покоенъ человѣкъ, или онъ навсегда обреченъ страданіямъ и тоскѣ?

Откровенно говоря, до судебъ человѣческаго рода мнѣ нѣтъ ровно никакого дѣла. Пусть будетъ съ нимъ, что быть должно. Да и судьба эта болѣе или менѣе ясна: рано или поздно остынетъ животворящее солнце,

и холодъ междупланетныхъ пространствъ сожметъ въ смертельныхъ объятіяхъ нашу старую милую землю, уничтоживъ на ней всѣ признаки органической жизни.

Если я стремлюсь угадывать будущее, то только потому, что настоящее слишкомъ отвратительно. Стараясь представить себѣ рай на землѣ, я не о счастіѣ моихъ потомковъ беспокоюсь, а просто пытаюсь, хоть на мигъ, хотя бы только въ мечтахъ, отрѣшиться отъ той скверной дѣйствительности, которая меня окружаетъ и давить.

Очень даже возможно, что, если бы я твердо зналъ, что человѣчество когда-то будетъ счастливо, я не только не возрадовался бы его счастію, но даже совсѣмъ напротивъ: возненавидѣлъ бы его ненавистью лютой.

Вѣдь, въ концѣ концовъ, что бы ни случилось, но будущее человѣчества можетъ построиться только на нашихъ страданіяхъ, на нашихъ костяхъ на нашемъ горькомъ опытѣ. Не пройди мы весь крестный путь исканій, будущее поколѣніе, какъ бы оно ни относилось къ нашимъ исканіямъ, оказалось бы въ положеніи людей, свалившихся съ луны на землю. Быть можетъ, все, что мы переживаемъ, будетъ одной сплошной и глупой ошибкой, но будущія поколѣнія, которые извлекутъ изъ этихъ уроковъ пользу и наши ошибки используютъ въ хорошую сторону, все-таки используютъ наши,

именно наши ошибки. И вотъ, они будутъ ходить въ райскихъ садахъ и пальмовыми вѣтками обмахиваться, а мы теперь въ крови и грязи тонемъ, какъ собаки!.. Да будутъ они прокляты.

Впрочемъ, это уже, пожалуй, нѣчто личное.

Но фактъ тотъ, что я не вѣрю въ счастливое будущее человѣчества, не вѣрю въ этотъ золотой вѣкъ.

И мнѣ кажется, что люди были бы гораздо счастливѣе, если бы разъ и навсегда отдѣлались отъ этого вѣчнаго миража, вѣковая и безплодная погоня за которымъ дѣлаетъ ихъ невнимательными и жестокими другъ къ другу, а оттого еще болѣе несчастными, чѣмъ они могли бы быть.

Кто глядитъ всегда впередъ и выше, тотъ, конечно, не видитъ, что топчетъ подъ ногами.

Если въ жизни отдѣльнаго человѣка стремленіе къ лучшему будущему все же рѣдко претворяется въ преступленіе, то въ жизни человѣческихъ массъ это стремленіе всегда приводитъ къ безсмысленному и безпощадному истребленію. Именно въ борьбѣ за лучшее будущее, за всеобщее благо, всегда творились и будутъ твориться самыя величайшія злодѣянія. Никто не пролилъ столько крови, никто не совершилъ столько зла и глупостей, сколько содѣяли ихъ всякіе религіозные фанатики, борцы за всеобщее благо и мечтатели о золотомъ вѣкѣ.

Во имя рая на небѣ или на землѣ люди уродовали свою жизнь и превращали ее въ адъ. Во имя всеобщаго блага на страданія и смерть обрекали миллионы живыхъ людей. Въ жертву грядущимъ поколѣніямъ, которыхъ никто не знаетъ, которые можетъ быть будутъ, а можетъ быть, и не будутъ, приносили на алтарь самыхъ подлинныхъ своихъ ближнихъ, реально нынѣ существующихъ, нынѣ страдающихъ. Да, путь къ золотому вѣку лежитъ черезъ кровавыя революціи, терроръ и диктатуру безумцевъ.

И что всего комичнѣе, такъ это то, что эти безумцы и палачи вѣнчаются титулами народныхъ героевъ, спасителей и благодѣтелей человѣчества. Предъ ними преклоняются, ихъ память благоговѣйно чтутъ, и никто не замѣчаетъ, что эти великіе борцы за „всеобщее благо“ съ ногъ до головы покрыты совершенно невинной кровью, что отъ нихъ смердитъ падалью!

Съ энтузіазмомъ, достойнымъ лучшей участи, загипнотизированные ими глупцы кричатъ о томъ, что величайшее счастье заключается въ сознаніи, будто „на нашихъ костяхъ будетъ построено величественное и прекрасное зданіе счастливаго, свободнаго человѣчества!“

— Пусть мы несчастны, — вопять они, выпучивъ глаза и барахтаясь въ крови и грязи, -- но зато наши потомки...

Несчастные, имъ и въ голову не приходитъ подумать о томъ, что вся пыль у нихъ подъ ногами давно пропитана кровью и потомъ милліоновъ поколѣній, и что, если до сихъ поръ все это не привело ни къ чему, то врядъ ли поможетъ дѣлу именно ихъ лишняя порція крови и слезъ.

Мечта и остается мечтой. Не будетъ никакого золотого вѣка, да и быть его не можетъ, хотя бы уже по одному тому, что „подлецъ-человѣкъ ко всему привыкаетъ“!

Сказано это въ томъ смыслѣ, что человѣкъ привыкаетъ къ самымъ худшимъ условіямъ жизни, но сказано это не вѣрно. Напротивъ, къ худшему человѣкъ никогда не привыкаетъ, а ропщетъ, борется и даже иногда „почтительно возвращаетъ свой билетъ“ на право пользованія жизнью. Знаменитое это изрѣченіе Достоевскаго вѣрно совершенно въ обратномъ смыслѣ: не къ худшему, а къ лучшему человѣкъ привыкаетъ, дѣйствительно, поразительно легко и быстро.

Если бы золотой вѣкъ могъ прійти сразу, такъ чтобы люди, однажды заснувъ, вдругъ проснулись въ золотомъ вѣкѣ, тогда, возможно, они были бы счастливы, по крайней мѣрѣ, въ теченіе минутъ пяти. Но дѣло въ томъ, что историческій процессъ скачковъ не знаетъ. Прогрессъ движется медленно, шагъ за шагомъ, по кирпичику въ столѣтіе. Въ этомъ черепашьемъ движеніи,

сегодня мало отличается отъ вчера, а завтра будетъ какъ двѣ капли воды, похоже на сегодня. Человѣчеству, конечно, не удастся и не можетъ удаться, по милліонамъ причинъ, лежащихъ внѣ его воли, озолотить свою жизнь однимъ взмахомъ творческой кисти, сколько бы крови и грязи оно ни зачерпывало изъ кроваваго болота всякихъ революцій. Нѣтъ, позолота будетъ наводиться такъ ровно, такъ незамѣтно, что когда уже, наконецъ, и все окажется позолоченнымъ, то этого уже никто не замѣтитъ, никто этому не удивится и не обрадуется.

Если бы человѣкъ каменнаго вѣка могъ очутиться въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живемъ мы, то ужъ конечно восторгу и удивленію его не было бы предѣла. Все казалось бы ему просто чудомъ и райскимъ сномъ. Ну, а мы изо дня въ день живемъ посреди всѣхъ этихъ чудесъ и если и, замѣчаемъ ихъ, то только для того, чтобы побрюзжать и пожаловаться на ихъ несовершенство.

Да и не насытишь человѣка одной внѣшней культурой. Вольно же думать тупоголовымъ соціалистамъ, что если они наполняютъ брюхо человѣка самымъ лучшимъ хлѣбомъ, а его задъ обтянутъ самымъ лучшимъ бархатомъ, то ничего лучшаго онъ уже и не пожелаетъ!

Человѣкъ такое животное, что — избавь его отъ всѣхъ матеріальныхъ заботъ и страданій, то тутъ онъ особенно и затоскуетъ: что это за жизнь если не о чемъ

мечтать, не на что жаловаться, не за что бороться? Ложись и помирай!

Духовная сущность человѣка не мѣняется и не измѣнилась, хотя принято думать иначе. Если, въ смыслѣ нѣкоторой культурности и поднялся общій уровень, то на вершинахъ мы не переросли того, что было и тысячу лѣтъ тому назадъ. Хотя толпа и научилась ходить на двухъ ногахъ и даже задолбила азбуку и таблицу умноженія, но по существу это все то же стадо, каковымъ и пребудетъ. А Соломоны, Сократы, Толстые и Мечниковы все же родные братья, и бесконечно ближе Мечниковъ къ Аристотелю, чѣмъ къ любому товарищу Ивану или буржуазному Ивану Ивановичу, своимъ благополучнымъ современникамъ.

До скончанія вѣка, несмотря ни на что, человѣкъ будетъ одинаковъ, всегда разнородна будетъ человѣческая масса, и всегда человѣчество будетъ страдать.

И тѣмъ больше, тѣмъ безысходнѣе, чѣмъ больше оно будетъ воздвигать передъ собой идеальныхъ цѣлей, чѣмъ дальше отъ своей личной жизни оно будетъ ставить эту цѣль.

Такъ говорилъ Достоевскій: „я не могъ представить себѣ, какъ человѣкъ будетъ жить безъ Бога... Люди, наконецъ, остались одни... Великая прежняя идея оставила ихъ: великій источникъ силъ, до сихъ поръ питавшій ихъ, отошелъ... Люди вдругъ поняли, что они

остались одни, совсѣмъ одни, и разомъ почувствовали великое сиротство. Осиротѣвшіе люди тотчасъ же стали прижиматься другъ къ другу тѣснѣе и любовнѣе, понимая, что теперь они одни составляютъ другъ для друга все. Исчезла великая идея безсмертія и необходимо замѣнить ее... И весь великій избытокъ прежней любви къ Тому, кто и былъ безсмертіе, обратился у нихъ на природу, на людей и всякую былинку. Они торопились бы любить, чтобы заглушить великую грусть въ сердцахъ. Они стали бы нѣжны другъ къ другу, и не стыдились бы, какъ теперь, а ласкали бы другъ друга, какъ дѣти!"

Самая главная и самая глубокая причина розни межъ людей, это именно то, что ихъ потребность любви и единенія постоянно поглощалась и поглощается какой нибудь громадной идеей, стоящей, якобы, безпримѣрно выше бѣднаго, ничтожнаго человѣчка, своего ближняго. Была ли это идея Бога или Человѣчества и общаго блага, но на долю живого человѣка никогда почти ничего не остается. Или нѣриѣе, остается злоба и ненависть, какъ къ препятствію, стоящему на пути къ осуществленію этой великой идеи, ибо человѣкъ слишкомъ слабъ и трусливъ, чтобы послужить для апофеоза. Его приходится дрессировать, терроризировать, угнетать, бить, убивать, чтобы заставить подняться до высоты идеи.

Великій циникъ восемнадцатаго вѣка сказалъ, что если бы не было Бога, то его надо было бы выдумать.

Я думаю, что это не такъ! Если бы Богъ и былъ, то лучше было бы увѣрить человѣчество, разъ и навсегда, что его нѣтъ вовсе.

„Царство Божіе внутри насъ!“ Человѣкъ долженъ искать и найти миръ внутри себя, не возлагая свои упованія на туманные миражи, на что бы то ни было, уже потому чуждое ему и далекое, что оно всегда слишкомъ велико. Люди не должны жертвовать близкимъ для дальняго. Въ томъ, что до сихъ поръ они только и дѣлали, что думали о дальнемъ, было большое несчастіе. Ибо они уходили отъ подлинной жизни, отъ подлиннаго человѣка въ область туманныхъ представленій и, задравъ носы къ небу, слѣпо топтали то, что было у нихъ подъ ногами, что было — они сами, ихъ собственная жизнь.

Человѣку не нужно Бога, какъ бы онъ ни назывался — Іеговой, Человѣчествомъ или Общимъ Благомъ, и гдѣ бы онъ ни обрѣтался — въ небесахъ наверху или на землѣ внизу.

Надо же, наконецъ, понять, что коротенькая жизнь наша это и есть все, что человѣку отпущено природой, какъ плата за ту непосильную и непостижимую службу, которую несетъ онъ въ мірозданіи, самымъ фактомъ своего существованія.

Все равно, значенія этой службы ему никогда не узнать, ибо смыслъ ея заложенъ въ вѣчности и безконечности, которыхъ не вѣчный и не безконечный мозгъ человѣческій вмѣститъ не можетъ.

Значитъ, надо, получая свою нищенскую плату, — нѣсколько мгновеній живого дыханія, — постараться не проматывать ее на всякія фантастическія затѣи, а наилучше и цѣликомъ истратить на собственную потребу.

Можно говорить все, что угодно, можно строить гипотезы, какія взбредутъ въ праздный умъ, но фактъ остается фактомъ, пока онъ не опровергнутъ фактами же: когда умираетъ человѣкъ, для него исчезаетъ все — и солнце, и люди, и идеи. Человѣкъ, дѣйствительно, мѣра вещей и центръ вселенной.

Это не Штирнеровскій эгоцентризмъ, съ его единственнымъ Я, для котораго не существуетъ ничего кромѣ своего Я. Нѣтъ, одно свое Я только дубовому бревну и нужно, да и то еще — можетъ быть! Человѣку же нуженъ весь міръ — и солнце, и люди, и звѣри, и зеленая трава. И больше всего — люди, ибо страшная вещь — одиночество. Самая смерть, можетъ быть, потому больше всего и ужасна, что она есть уходъ въ какое-то абсолютное одиночество.

И человѣкъ, оставаясь въ своемъ міроощущеніи центромъ всего, долженъ быть не математической точкой, а

подлиннымъ живымъ центромъ, живыми же нитями связаннымъ со всѣмъ окружающимъ.

Но для этого онъ долженъ понять, что все окружающее и есть самая реальная драгоцѣнность, и не растрачивать своихъ силъ и чувствъ въ погонѣ за миражами.

Одна молодая дѣвушка, совсѣмъ еще ребенокъ, вся озаренная, вся трепещущая отъ счастья первой любви, сказала, что она стыдится быть счастливой, когда кругомъ столько несчастныхъ, и каждый долженъ думать о счастѣ для всѣхъ. Она и не подозрѣвала, что уже однимъ тѣмъ, что въ ея лицѣ счастливъ хотя бы одинъ человекъ, она больше дѣлаетъ для счастья всеобщаго, чѣмъ всѣ тѣ, которые неустанно толкуютъ о всеобщемъ благѣ, а сами несчастны, измучены, озлоблены и всѣхъ кругомъ озлобляютъ и толкаютъ на борьбу. Чѣмъ больше счастливыхъ людей, тѣмъ ближе и всеобщее счастье! Это простой математическій расчетъ.

И вотъ, этой-то простой истины человѣчество никакъ понять не можетъ! А если и чувствуютъ ее сердцемъ какіе нибудь простые, немудрящіе люди, то на нихъ сейчасъ же набрасываются съ пѣной у рта печальники о всеобщемъ благѣ и требуютъ, чтобы они немедленно и неукоснительно пожертвовали своимъ личнымъ счастьемъ для кого-то и чего-то.

И бѣдняги вѣрятъ! Вѣрятъ, что и самое счастье не въ томъ заключается, чтобы быть счастливыми, а въ

томъ, чтобы быть несчастными для счастья другихъ. И они жертвуютъ, жертвуютъ... Плачутъ и жертвуютъ, и до того уже дожертвовались, что не только общаго, но и вообще никакого счастья на землѣ не стало видно. Одна мерзость, кровь, жестокость, грязь!

Прежде они жили для Бога, теперь живутъ для человѣчества, а для человѣка никто не живетъ! „О человѣкъ-то и забыли!“

И надо, чтобы вспомнили наконецъ о человѣкѣ, чтобы поняли, что „они — одни“, и нѣтъ никакого Бога, никакого Человѣчества. Все это только слова и больше ничего.

Только тогда, когда они поймутъ это, людямъ, быть можетъ, удастся, если не быть счастливыми, то по крайней мѣрѣ, быть менѣе несчастными.

Страданія останутся, ибо это „великій законъ чувствующихъ существъ“, но не будетъ дикой и нелѣпой борьбы живыхъ людей за отвлеченную идею.

Но возможно ли это? Быть можетъ, для этого нужна снова какая нибудь религія?

Нѣтъ, довольно Боговъ! Если это возможно, то оно придетъ изнутри, безъ сверхъестественной помощи и безъ революціи, безъ программъ и лозунговъ.

„Одаренный несравненно болѣе развитымъ мозгомъ, чѣмъ его животные предки, человѣкъ открылъ новые

пути къ еволюціи высшихъ существъ“, — сказалъ Мечниковъ.

Эти новые пути — наука и искусство.

Въ то время, какъ религіи и соціально-политическія ученія стремятся двигать массами, якобы толкая ихъ въ погоню за идеалами, а на самомъ дѣлѣ только сталкивая ихъ въ кровавой борьбѣ, наука и искусство, идя отъ личности и черезъ личность, медленно и незамѣтно перестраиваютъ самую душу человѣка. Они сближаютъ его со всѣмъ окружающимъ міромъ и другими людьми. Мало-по-малу они раскрываютъ передъ глазами человѣка картину міровой жизни и міръ чужихъ ощущеній и страданій. Человѣку становится ближе и понятнѣе всякое другое существо. Не какъ единовѣрецъ, не какъ товарищъ въ борьбѣ, не какъ единомышленникъ, не какъ классовая единица, а какъ такой же живой, чувствующій и страдающій, жаждущій счастья другой человѣкъ.

Чѣмъ выше интеллектъ человѣка, тѣмъ онъ терпимѣе и чувствительнѣе къ страданіямъ другихъ, тѣмъ менѣе способенъ онъ изъ-за религіознаго догмата, матеріальныхъ благъ или идейнаго разногласія вцѣпиться въ горло своему ближнему. Въ рядахъ религіозныхъ изуверовъ и политическихъ фанатиковъ нѣтъ великихъ ученыхъ и великихъ художниковъ.

Если человѣкъ творить, онъ не способенъ разрушать.

Надо понять, что нельзя творить жизнь, пересаживая людей съ мѣста на мѣсто, заставляя ихъ думать и чувствовать на какой-то особый, хотя бы и самый прекрасный ладъ. Пока душа человѣка груба, пока темень его умъ и разнузданы его желанія, до тѣхъ поръ онъ не способенъ устроить хорошую справедливую жизнь, какъ бы ни старались подсказывать ему идеи, какъ бы ни распредѣляли трудъ и его продукты.

Наука должна раскрыть глаза, искусство должно смягчить душу, чтобы человѣкъ понималъ и цѣнилъ жизнь.

Каждое произведеніе искусства, каждое научное открытіе больше служатъ счастью людей, чѣмъ всѣ религиозныя проповѣди и всѣ соціальныя реформы.

Гдѣ-то, въ самой глубинѣ сознанія, кроется смутная надежда, что разумъ человѣческій такъ могучъ, что въ концѣ концовъ онъ раскроетъ всѣ тайны, и то, что нынѣ представляется неразрѣшимой загадкой, когданибудь окажется простой и общепонятной истиной.

Правда, это относится тоже къ туманному будущему, но во имя этого будущаго не требуется жертвъ, кромѣ тѣхъ, которыя лежатъ въ естественномъ стремленіи человѣческой личности къ познанію и творчеству.

Итакъ, „человѣкъ“ не „звучитъ гордо“, какъ провозгласилъ Горькій, нѣтъ, „человѣкъ“ звучитъ очень жалобно и жалко, но это все, что мы имѣемъ, что мы есть.

И да закатятся скорѣе всѣ „великія солнца великихъ идей“ о Богахъ всякаго рода, и да воцарится въ сознаниіи человѣчества истина о томъ, что мы — одни, что нѣтъ и не можетъ быть такой идеи, во имя которой можно были бы терзать живого человѣка.

Если мы не можемъ жить безъ религіи, то пусть этой религіей будетъ любовь къ человѣку. Къ маленькому, живому, страдающему человѣку сегодняшняго дня, такому, какъ онъ есть, со всѣми его слабостями и пороками.

1919 г.

